

The illustration depicts a woman with long, flowing red hair, wearing a dark blue cloak with a gold-trimmed strap. She is shown in profile, holding a baby wrapped in a green blanket. They are standing in a snowy forest at night, with snow falling around them. A large, bare tree is on the right, and a warm, golden light emanates from its base. The overall mood is serene and protective.

ДАВЕЛ НЕВСКИЙ

СВЕТ
ПОД
СНЕГОМ

КОГДА ЛЕС ЗОВЁТ
ПО ИМЕНИ

Павел NeVSkий

Свет под снегом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73054323

SelfPub; 2025

Аннотация

В древнерусской деревне, затерянной среди лесов, живёт Дарина – охотница, с детства несущая груз утраты и страха перед мистическим злом, что когда-то разрушило её семью. Всё меняется, когда в ночь после свадьбы исчезает племянник, и Дарина, вопреки всему, решает найти его, бросив вызов лесу, своим страхам и предрассудкам деревни.

В поисках истины Дарина сталкивается с проклятием рода, встречает загадочных хранительниц леса и оказывается втянута в борьбу за спасение близких и самой деревни. Её ждут раскрытие тайн, испытания на грани жизни

и смерти, и путь, в котором охота превращается в инициацию – и за каждым поворотом ждёт выбор между мстостью и прощением.

Но когда наступает ночь, в которой исчезает вся надежда, Дарина оказывается перед самым страшным выбором: сможет ли она найти свет в собственной тьме – и хватит ли её сил разорвать круг боли, если цена —отпустить всё, что любишь?

Содержание

Часть I	4
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	40
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	68
Глава 9	85
Глава 10	92
Глава 11	106
Глава 12	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Павел NeVSkий

Свет под снегом

Часть I

«Тише, дитя.

Не зови свет— коли не готова узреть тьму.

Лес слышит. Лес помнит. Лес не прощает позабытых имён.

Ты думаешь, это просто деревья? Просто мхи да звериный след?

Нет, милая. Это – тело. Это – кровь. Это – воля.

Ты не случайно явилась на свет.

Ты – продолжение.

Ты – звено, что должно было порваться, да устояло.

Глаголю с тобой – ибо лес выбрал.

Не для покоя. Не для радости.

А для того, что приходит, когда сказ окончен.

Запомни:

Судьба не просит согласия.

Вплетается в тебя – что корень в землю, что голос в песню.

Услышишь зов – не отворачивайся.

Ощутишь боль – не отступай.

Это – начало.

А всё, что грядёт...
уже ждёт.»

Глава 1

Лес всегда был моим домом.

Когда я была ребёнком, он встречал меня шелестом листьев и шёпотом ветра, который проскальзывал между ветвями, словно делился своими тайнами. Я бежала босиком по мягкой земле, мимо стволов, тёплых от солнца, и ощущала, как мох пружинил под ногами. Каждая тропинка была мне знакома: вот здесь валун, на котором я любила сидеть, а там – упавшее дерево, превратившееся в мостик над ручьём.

Иногда я пряталась в густых зарослях малины и слушала, как вдалеке перекликаются птицы. Солнце просачивалось сквозь листву, оставляя на моих ладонях золотые пятна, будто тёплые бабочки игрались со мной. Лес окутывал меня большим зелёным плащом: прохладный в жару, и тёплый в ненастье.

Деревья стояли вокруг молчаливо и неподвижно. Я любила подходить к самому большому из них, прикладывая ладони к его шероховатой коре и шептать свои секреты. Мне всегда казалось, что он слушает и понимает. Лес был живым. Он щедро угощал меня сочными ягодами и орехами, а его тишина была такой глубокой, что я могла слышать даже дыхание ветра.

Здесь я была невидима для всего остального мира – только я и лес, его дыхание и мои шаги по прелым листьям. Я не

просто жила рядом с ним – я росла вместе с ним, как ещё одна его ветвь. Лес давал мне ощущение легкости и свободы, заботясь и поддерживая меня.

Наша семья обосновалась в этих краях уже давно. Деревня наша прижималась к самому краю леса, словно искала у него защиты. Небольшие избы с покатыми крышами теснились друг к другу, дымили трубами, и казалось, что весь воздух пропитан запахом печного дыма и свежего хлеба. Утром слышался стук топоров, крики петухов и голоса женщин, которые выпускали скотину во двор. Каждый знал своё дело: мужчины уходили в лес с рассветом – кто за дровами, кто на охоту, – а женщины хлопотали по хозяйству.

Днём жизнь текла размеренно: у колодца встречались молодницы, обменивались новостями, а дети носились босиком по пыльным тропам, громко смеясь и пугая кур. Даже самый тяжёлый труд здесь делался сообща: если кому-то требовалось починить крышу или собрать урожай, соседи приходили на помощь, не дожидаясь просьбы.

По вечерам деревня оживала иначе. Кто-то подбирал мелодию на балалайке у самого крыльца, кто-то выходил на улицу с жареными пирожками и звал соседей к себе. Иногда на площади, под светом масляных фонарей, собирались все: старики в тёплых шапках, бабы с платками, молодёжь, что смеялась и кружилась в танцах. Люди приносили с собой что могли – кто кувшин молока, кто горсть ягод или хрустящих пирогов. Всё сливалось в один большой пир, где каждый был

и гостем, и хозяином.

Праздники в деревне не были просто забавой. Это были дни, когда весь люд, словно по велению невидимого ритма, дышал в унисон – как одно сердце, одна душа. Воздух наполнялся дымом костров, ароматом хлеба и мёда, а над избами витал гул голосов, пений и смеха, будто сама земля, уставшая от молчания, начинала петь вместе с нами. Мужчины, покрасневшие от пива и гордости, громко хвастались удачной охотой, шумно обсуждая, чей кабан жирнее. Девушки пели в венках из полевых цветов, и голоса их, лёгкие и древние, взмывали к самым верхушкам деревьев, зовя солнце к земле. А старики... они, словно хранители памяти, рассаживались ближе к огню и начинали говорить. Их хриплые, обветренные временем голоса казались мне тогда древними заклинаниями – такими, в которые можно не верить, пока не окажешься один в ночном лесу.

Я помню, как сидела у костра, поджав под себя ноги, прильнув к маминым коленям. Ветер шевелил мой сарафан, потрескивали смоляные поленья, и мне казалось, что сам лес слушает вместе со мной. А может быть, даже шепчет в ответ – сквозь шелест листвы, треск сучьев, завывание ветра у опушки. Бывали моменты, когда один из стариков замолкал, и в наступившей тишине я почти слышала: где-то в глубине чащи лес рассказывал свою историю, старше любой сказки, которую мог бы выдумать человек.

Эта жизнь казалась мне незыблемой – прочной, как сте-

ны избы, тёплой, как хлеб на утро, и родной, как шум ветра среди деревьев.

Седьмое лето мне шло, как впервые я ощутила, насколько глубокой может быть моя связь с лесом. Тогда я ещё не понимала, что это значит, но тот день оставил во мне след, который не стёрли ни годы, ни страхи.

Едва свет зазолотился над избой и первый луч коснулся деревянного косяка, я уже была на ногах. Сквозь щёлку в ставне доносился не просто шорох ветра – это был тот самый, что звал, что знал моё имя. Он пробирался в избу, гладил щёки, касался ресниц, и в каждом его порыве чувствовалось нечто неотложное – как зов судьбы.

Не раздумывая, я босиком ступила на пол и в ту же минуту вышла за порог. Трава под ногами была влажной и прохладной, но мягкой – как дыхание самой земли. Я бежала по ней, не чувствуя холода, только зов – будто сердце знало дорогу раньше меня.

Мать крикнула мне в спину, чтобы я не уходила далеко, но её голос быстро затих, словно был поглощён деревьями. Даже эхо не отозвалось. Лес не терпел лишних слов. Я не оглядывалась. Позади оставалась деревня – тёплая, полная запахов дыма и хлеба, жизней и голосов. Но всё это в одно мгновение стало тихим, далёким. Я чувствовала, как оно остаётся позади – родное, но тесное. Я знала каждую тропинку, каждый забор, каждого человека. Но лес... лес был иным. Он дышал свободой. Он раскинулся до самого горизонта, и его

дыхание было ветром. И этот ветер звал меня не как гостью, а как ту, что принадлежит ему по праву. Я неслась вперёд, чувствуя, как трава шепчет под ногами, как листья тянутся ко мне. И сердце билось от предвкушения.

Я перескакивала через мшистые коряги, пряталась в кустах, как лиса, уверенная в своей ловкости. Лес щедро растил мне дорогу, и я не замечала, как тени вокруг удлинялись, а свет мерк. Звуки – шёпот листвы, стрёкот кузнечиков, отдалённый стук дятла – становились всё тише, словно сам лес прислушивался.

Я остановилась, тяжело дыша, и вдруг поняла, что не знаю, где нахожусь. Огляделась – вокруг только одинаковые деревья, серые стволы, вырастающие из земли, как стражи. Тропинка, по которой я шла, исчезла, будто её никогда и не было.

– Лес не обидит меня, – пробормотала я, пытаясь улыбнуться, но звук собственного голоса показался странным, чужим.

Воздух стал холоднее. Я сжала кулаки, но пальцы дрогнули. Внутри разливалось чувство – странное, липкое, как прилипший паутиной страх.

А потом случилось это.

Всё вокруг замерло. Листья перестали шевелиться, птицы умолкли, даже ветра не было – как будто лес затаил дыхание. И тогда я услышала голос.

Это был не звук. Это было... что-то другое. Ощущение,

будто кто-то шепчет мне в ухо, хотя рядом никого нет.

«Не бойся» – тихий, мягкий женский голос прозвучал, как дыхание

Эти слова проникли в меня, минуя уши, минуя разум. Я чувствовала их, как чувствуют тепло огня или холод воды. Я замерла, а сердце забилося так сильно, что отдавало в висках. На мгновение мне показалось, что голос не просто шепчет, а тянется ко мне, как протянутая рука.

Не понимая, что делаю, я шагнула вперёд. Мои ноги двигались сами, как будто лес сам вёл меня. Листья скользили по моим плечам, тонкие ветви трогали волосы, а впереди что-то светилось – мягко, приглушённо, как свет звезды, затерявшейся в ветвях.

Я вышла на поляну. Посреди неё стоял дуб. Огромный. Его корни поднимались из земли, будто вырвались на поверхность, а ствол был таким толстым, что казалось – он держит небо на своих ветвях. Древний. Неподвижный. Живой.

И там, на одной из его ветвей, висел мой платок.

Белый. С вышивкой по краю – древний символ, напоминающий женскую фигуру с раскинутыми руками и солнечным венком над головой. Я не помнила, чтобы видела его раньше, но он казался мне... знакомым. Будто из сна. Я чувствовала нечто запечатанное в нём – незримую силу, тихую, но глубокую.

Я замерла. Сколько так простояла – минуту, час, день – не знаю. Глаза не отрывались от платка. Как он здесь оказался?

И откуда на нём этот символ?

Я шагнула ближе. Пальцы дрожали, когда я протянула руку и сняла его. Ткань была тёплой, словно её долго держали. Я прижала платок к груди, стараясь унять бешено колотящееся сердце.

Дуб стоял молча. Но в его молчании слышался ответ.

Я подняла взгляд к его ветвям – и на миг почувствовала, как он смотрит на меня.

Взгляд был тяжёлым, но не злым. Он знал меня.

«Будь готова. Судьба уже рядом. Но не каждый путь, что ведёт через боль, – твой», – донёсся голос. Тот самый. Но теперь он звучал тише – как шорох листвы где-то наверху. Я закрыла глаза, вцепившись в платок. Голос не исчез – он просто растворился, стал частью воздуха.

Журчание ручья привлекло меня. Я пошла на звук, не думая, не сомневаясь. Лес расступался передо мной. Когда я вышла к воде, там уже была тропа. Узкая, петляющая – но знакомая. Это была дорога домой.

Я оглянулась. Лес молчал. Но в этом молчании чувствовалось обещание. Оно не давало покоя, но и не пугало. Я вернулась в деревню другой – с тайной, которую не могла никому рассказать.

С той поры лес начал меняться. Не сразу, не в одночасье – перемены подступали медленно, как иней на оконном стекле: незаметно, но неотвратимо. Они подкрадывались с каж-

дым рассветом, с каждым шагом в чашу, словно тени, расползающиеся по земле с наступлением заката.

Сначала исчезли знакомые тропы – те самые, по которым я бегала в детстве, собирая землянику и ускользая от маминих окриков. Они не зарастали, не стирались – просто переставали вести куда-либо. Стоило свернуть, и ты уже не знал, где находишься. Даже старые деревья менялись: кора темнела, ветви изгибались иначе, а листья больше не шелестели. Шёпот леса становился тише, сдержаннее. Будто он больше не хотел быть услышанным. Будто прятал что-то.

Это ощущение – странное, липкое, тревожное – крепло с каждым годом. Его невозможно было объяснить – только чувствовать. Сначала оно жило на краю сознания, как комариный писк в тишине. А потом обвило деревню, как холодный болотный пар: невидимый, но ощутимый.

И тогда пришла та зима. Та, которую потом все называли Забирающей.

Она обрушилась внезапно – как если бы лес, долго копивший дыхание, наконец выдохнул. Снег валил сутками, будто небо решило скрыть землю под саваном забвения. Воздух стал плотным, вязким от холода. Мороз сковывал дыхание, крал слова до того, как они успевали родиться. Окна покрылись густым инеем, а огонь в печах горел тускло, не давая настоящего тепла.

Охота стала испытанием, но отец, как и многие мужчины деревни, не прекращал вылазки в ледяной лес. Все знали:

зверя почти не осталось. Но сидеть сложа руки, наблюдая, как редуют запасы и холод проникает в самое нутро, было ещё страшнее. Ожидание медленно ломало изнутри.

Я стояла у двери и смотрела, как отец собирается.

Отец молча готовился к выходу. Он накинул шубу и принялся за застёжки – движения выверенные, точные, как у человека, давно знающего порядок. Но в этой отточенности чувствовалась скованность. Пальцы дрожали, когда он затягивал пояс. Он остановился у стены, проверил ремни с топором, провёл ладонью по рукояти. Жест был коротким, но слишком внимательным, задержавшимся – как если бы в этом прикосновении решалось больше, чем просто исход охоты. Он не торопился, хотя время поджимало – это ощущалось в каждом мгновении. Спина напряжена, взгляд опущен. Он не обернулся – ни ко мне, ни к матери.

Тишина тянулась, как тугая струна. очаг потрескивал, но звук не приносил уюта, только подчёркивал, насколько пусто и хрупко стало в доме.

Закончив, он подошёл ко мне.

– Вернись к закату, – сказал он, сжимая моё плечо. В его голосе звучала уверенность, от которой на миг стало теплее. – Слушайся мать. Берегите друг друга.

Он обнял меня крепко – так, словно это было прощание, которого никто не хотел. Его улыбка, обращённая к матери, была спокойной, но глаза выдавали тревогу. Затем он сделал шаг за порог, и дверь закрылась с глухим стуком. Этот звук,

тяжёлый и приглушённый, отозвался в стенах избы.

Мать подошла к двери. Не открыла, не выглянула. Просто провела ладонью по косяку, остановилась. Стояла так долго, будто что-то слушала. Потом опустила на корточки и подняла с пола маленький обрывок бечёвки. Сжала его в кулаке. Не произнесла ни слова. Я не знала, зачем она это сделала. Но в том движении было что-то, что не требовало объяснений. Она всё поняла раньше меня.

Меня подбросило – ноги сами вынесли к окну. Я встала на носки, уцепилась ладонями за подоконник, лоб прижался к стеклу. Холод обжёг кожу, но я не отстранилась.

Отец шёл по тропе. Медленно. Уверенно. Шаг за шагом. Шуба колыхалась от ветра, снег ложился на плечи. Он не оборачивался. Когда он приблизился к границе леса, мне стало трудно дышать. Деревья впереди не шевелились. Они стояли слишком ровно. Ни малейшего движения. Он ступил на белую землю у самой кромки. Задержался. Что-то в этом мгновении изменилось. Внутри всё сжалось. Казалось, тропа ведёт не в чащу, а в нечто большее – в неизвестность, из которой не возвращаются прежними.

Он исчез между стволов.

Я стояла, не отрываясь от стекла, пока дыхание не запотело круг перед глазами. И даже тогда не могла отойти.

В те дни, когда отец уходил на охоту, я оставалась дома. По вечерам садилась у окна, смотрела в сторону леса, и в голове разворачивались картины: я представляла, как он про-

бирается сквозь густую чащу – бесшумно, как тень, – выслеживая оленя или кабана. Его движения – чёткие, уверенные; он будто становился частью леса, сливался с ним. В моих мыслях он был не просто охотником – он был героем. Тем, кто мог укротить даже самую дикую природу. Его сила и спокойствие были для меня примером, на который хотелось равняться.

Тот день не стал исключением. Я снова сидела у окна, не отрывая взгляда от края леса. Снег кружился за стеклом – тихий и беспощадный, заполняя собой всё пространство. За белой пеленой лес выглядел особенно зловеще: его силуэты вырисовывались отчётливо, как тёмные колонны на фоне белого покрова. Каждый изгиб ветвей, каждая неровность ствола казались частью странной, неведомой тайны.

Я продолжала вглядываться в эти тени, думая об отце. Где он сейчас? Не мёрзнет ли в таком холоде? Мысли кружились, как и снег за окном, но сердце каждый раз находило утешение в гордости за него – сильного, надёжного, того, кто всегда возвращался. Он говорил, что лес – это наш дом, что он знает его как свои пять пальцев.

Но в этот день лес молчал.

Мать сидела у печи, но её спицы почти не двигались. Она слушала тишину, как и я, но с другим выражением на лице. Её губы были плотно сжаты, а взгляд прятался в огне.

А затем — оно появилось.

Сначала – движение. Едва заметное, на границе леса,

словно сама тень сгустилась и пошла. Я взгляделась, затаив дыхание. Тьма отделилась от деревьев и с пугающей осторожностью двинулась в сторону нашего дома.

Я шагнула ближе к окну, ладонь сама легла на косяк. Сердце застучало гулко, отдавая в горле. Свет луны скользнул между ветвей и осветил чужака.

Это был волк.

Но не тот, каких я знала. Не тот, кого можно отогнать криком. Он был выше любого зверя, которого я видела в жизни, и по спине у него тянулся хребет – острый, как шипы древнего дерева, проросшие изнутри, как наказание. Он выглядел так, словно сам мрак земли вырастил его в тишине, чтобы однажды отпустить на волю. Шерсть – тёмная, густая, местами сбившаяся в колтуны.

Я не сразу увидела его морду – лес держал её в тени. Но потом он обернулся, и свет луны высветил его глаза. Всё вокруг застыло.

Он смотрел.

Пара глаз, горящих как раскалённые угли, остановилась на мне. В этом взгляде было нечто человеческое. Не мимолётное любопытство – внимательное изучение. Он не просто заметил меня. Он узнал.

И в полной тишине, в этой встрече без слов я почувствовала: передо мной – не просто зверь. И не посланник. Он пришёл с намерением. Он знал, зачем.

Я хотела отпрянуть от окна, но не могла, тело не слуша-

лось. Я чувствовала, как он смотрит прямо на меня. Не на дом, не на огни – на меня. Эти глаза были не просто страшными. В них зияла бездна – глубокая, зовущая. От неё хотелось отшатнуться, но ещё сильнее – заглянуть внутрь. Даже если оттуда не будет пути обратно.

За спиной раздался стук. Мать бросила вязание и подбежала к окну. Она оттолкнула меня в сторону и дёрнула занавеску.

– Не смотри! – прошипела она, сжимая моё плечо так сильно, что стало больно.

– Мама... он там... – начала я, но она повернула меня к себе, заставляя смотреть ей в глаза.

– Уходи от окна, – повторила она. Её голос был хриплым, напряжённым.

В тот момент я поняла: она знала, что это было.

Я отступила, но сердце продолжало колотиться – громко, где-то в горле. Сквозь щель в занавеске я всё же успела увидеть: волк не ушёл. Он стоял там же, не двигаясь, всё так же глядя в сторону дома. Или в мою.

– Мама... – прошептала я, но она уже не слушала. Стояла у печи, стиснув руки так, что костяшки пальцев побелели.

В доме было тепло, но по спине пробегали мурашки. За окном стояла пугающая тишина. В ней не было ни ветра, ни скрипа снега, ни хруста. Только его дыхание.

Волк простоял там долго. А потом ушёл, растворившись в белой пустоте так же тихо, как и появился. Но даже когда

я закрыла глаза той ночью, его взгляд не отпускал меня. Он ждал. Я знала это так же точно, как знала, что отец не вернулся к закату.

Глава 2

Отец вернулся с рассветом. Его тень легла на порог раньше, чем он сам появился в дверном проёме. Он шагнул внутрь – медленно, как человек, долго шедший сквозь бурю. Шуба свисала с плеча тяжёлым грузом: мокрая, потемневшая, покрытая пятнами, не требующими объяснений.

Он закрыл за собой дверь и замер, опираясь на стену. Плечи вздымались тяжело, дыхание рвалось наружу хрипами. Несколько секунд – тишина. Затем он двинулся к очагу, будто в уме отсчитывал каждый шаг. Под ногами хрустел застывший снег, принесённый на подошвах.

На лавку он опустился, не обернувшись. Руки бессильно повисли, лицо – выжженное, обветренное, бескровное – застыло без выражения. Только глаза... В них было что-то сломанное.

Я не узнавала его.

Раньше он всегда первым входил в избу и громко звал нас к очагу. Садился ближе к пламени, протягивал ладони к теплу и смеялся. Ветер, снег, охота – всё это было для него игрой. Он рассказывал, как следил за кабаном или как встретил лису, будто нарочно заманивавшую его в чащу. Он был силой, опорой, тем, кто возвращался с добычей – усталым, но целым.

А теперь он просто смотрел в огонь.

Мать бросилась к нему. Ткань её сарафана шуршала, как трава в сухую бурю. Она схватила его за запястья, затем за плечи – пальцы метались в поисках ран, не зная, где остановиться.

– Макар... – её голос звучал ровно, но внутри натянулась струна. – Что там случилось? Скажи.

Он молчал. Посмотрел на огонь и медленно протянул руку, подбросил несколько щепок в тлеющие угли. Движение – неосознанное, выученное. Как единственное, что ещё оставалось ему под силу.

С его рукавов капало. Одна капля за другой. На пол. На дерево. На полено, забытое у очага. Тёмные. Тяжёлые. Как память, которую не стереть.

Я стояла в стороне, и сердце билось медленно, но тяжело. Хотелось спрятаться, но тело не слушалось. Пальцы вцепились в подол рубахи, глаза не могли оторваться от отца.

Мать снова заговорила – тише, с надрывом. Но он не отвечал. Только дышал. И смотрел в огонь, как в ту точку, где, возможно, осталась часть его самого.

Её руки дрожали.

Я решила, что должна хоть чем-то помочь. Взяла чан с водой, тряпку, и села рядом с отцом. Мои руки были холодными, но я осторожно обмыла его пальцы, затем запястья. Кожа была грубой, но горячей, как будто всё тепло его тела ушло в ладони, чтобы удержать его здесь, в нашей избе, а не оставить где-то там, в глубине леса.

Мать металась по дому. Её шаги казались шумными, но я видела, как она всё время косится на отца. Она взяла старый кафтан, начав чинить оборванный край. Игла проскользнула мимо ткани, и я услышала, как она раздражённо выдохнула.

– Иди помоги мне, – вдруг сказала она, но её голос дрогнул.

Я подошла ближе, взяла ткань из её рук. Мы молча сидели бок о бок, но, между нами, будто выросла стена, за которой прятался страх. Её движения были быстрыми, почти нервными. Игла мелькала в её пальцах, а затем остановилась. Мать отложила работу и наклонилась ближе.

– Ты не должна спрашивать его, что случилось, – сказала она тихо, но в её голосе прозвучала просьба.

Я хотела ответить, но не смогла. Её взгляд, полный тревоги, говорил больше, чем слова. Она боялась. И теперь я это чувствовала.

За окном медленно растекался свет нового дня. В это время соседи уже начинали свою суету – стук топоров, шум лопат, но в нашем доме было тихо.

Позже мы узнали – с той охоты вернулись не все. Я слышала, как мать говорила с соседкой, приглушённо, настороженно – словно сами слова могли разбудить беду.

А потом пришёл старейшина.

Собрал народ на сходном месте – там, где летом звенели песни и играли дети, теперь стояли люди: сжав плечи, с опущенными головами. Я, притаившись у стены ближайшей из-

бы, вжалась в холодное дерево и прислушалась.

– Зверь, – произнёс он.

Слово, простое и страшное, застыло в воздухе. Он выждал – дал каждому почувствовать, как оно звучит, прежде чем продолжить.

– Это не зверь, которого можно отогнать огнём. Не плоть, которую можно победить силой. Это... отголосок. Память. То, что забыли мы, но не забыл лес.

Он не кричал. Говорил негромко, хрипло, но его слышали все. Не ушами – изнутри.

Каждое слово ложилось в грудь, как груз.

– Зверь двигается без звука. Появляется там, где его не ждут. Не берёт всех. Берёт тех, кто не успел понять.

Оставляет тех, кто должен помнить.

Толпа замерла. Я видела, как одни прятали глаза, другие – искали его взгляд, надеясь найти в нём спасение. Но в нём не было ни утешения, ни страха.

Только знание. То самое, от которого не убежишь.

– Мы думали, что приручили лес. Но забыли – лес жив. И он видит.

Мы строили дома, жгли костры, вырубали тропы. Но не отдали то, что забрали.

А он не прощает. Он ждёт. Он возвращает своё.

Его взгляд медленно скользнул по лицам. Долго. Внимательно. Не с упреком – с осознанием. Словно он знал каждого. Знал, кто когда солгал, кто отвернулся, кто затаил в себе

тьму.

– Мы сами впустили эту тьму.

– По капле, по крошке – страхом, жадностью, молчанием.

– Теперь она растёт. Не снаружи – в каждом из нас.

– Вы боитесь зверя.

– Но зверь – не враг.

– Он – судья.

Толпа не шелохнулась. Кто-то едва заметно молился. Кто-то застыл с приоткрытым ртом.

Я смотрела на старейшину и чувствовала: от его слов не становилось легче. Не было ни надежды, ни плана – только признание.

– Пришло время расплаты.

И каждый знал, хоть и молчал: что-то было сделано не так. Много лет назад. Или ещё раньше.

Он говорил ещё – про следы, про кровь на снегу, про сломанные деревья... Но я уже не слышала. Я смотрела на лес. И знала: он слышал каждое слово.

Когда люди начали расходиться, делали это быстро, поодиночке, будто старались не шуметь. Кто-то сжимал кулаки. Кто-то прижимал к груди детей – словно телом можно было заслониться от взгляда леса. Но и дома уже не казались спасением. Даже огонь в очаге не грел по-настоящему. Потому что теперь все знали: лес больше не спит.

А старейшина был первым, кто услышал, как он просыпается.

С того злополучного случая вылазки в лес стали редкостью. Даже самые отчаянные охотники теперь дважды думали, прежде чем ступить за порог деревни. Лес больше не был просто местом. Он стал границей, которую никто не хотел пересекать.

Как только солнце опускалось за горизонт, люди спешили запереть двери, заколотить ставни и зажечь лучины. Темнота больше не была укрытием. Она была угрозой. Никто больше не рассказывал вечерних историй у огня, не пел песен и не приглашал соседей на ужин. Всё реже можно было увидеть, как кто-то стучится в чужой дом.

Вечерами деревня становилась похожа на замерзший улей – тёмная, безмолвная, лишь слабые огоньки лучин пробивались сквозь маленькие окна, бросая на снег дрожащие отблески. Собаки, обычно поднимающие лай на каждый шорох, теперь лежали тихо у дверей, сжавшись в комок и поджав хвосты, будто знали: их лай может призвать что-то, чему не место среди людей. Тишина становилась почти осязаемой, а каждый скрип снега под ногами звучал так, словно за ним следили.

Зима становилась всё суровой. Мороз сжимал дома так, что стены начинали потрескивать под его хваткой. Снег застывал твёрдой коркой, а небо, серое и низкое, будто нависло над деревней.

С каждым днём росло ощущение, что зима никогда не закончится. В людях появлялся страх, тихий и гнетущий,

как тяжёлое дыхание леса. Запасы еды уменьшались быстрее, чем планировалось. Никто не говорил об этом вслух, но все знали: если зима не отступит, весны может и не быть.

Однажды ночью я проснулась от тишины. Не той, к которой привыкла в деревне, когда ветер прячется между стенами и в печи томно дышат угли. Эта была иной – глухой, неподвижной. Даже дерево не скрипело. Даже тень не шелохнулась.

Очаг догорал. Угли потрескивали, шепча едва слышно.

За стеной – голос матери. Низкий, сдавленный.

Я замерла, не двигаясь, и даже одеяло вдруг стало тяжёлым – словно само время легло мне на грудь. Голос матери был еле слышен. Она боялась, что её услышит не только муж, но и кто-то другой. Кто-то – за стенами.

– Мы должны что-то сделать, – продолжала она. – Ты чувствуешь? Это холод заберёт нас всех. Это – знак.

Пауза. Долгая. Тягучая. А потом – резкий, короткий звук. Отец встал резко со скамьи. Он не сказал ни слова, но тишина, наступившая после, была громче любого крика.

Я представила, как он смотрит в окно. Его глаза – тёмные, измотанные, когда-то уверенные – теперь ищут не ответ, а подтверждение. Подтверждение тому, что он сам боится признать. За стеклом – те же ели, те же сугробы... но в них что-то изменилось. Что-то затаилось. На миг стало страшно, что он молчит. Что даже он, с его молчаливой стойкостью, не знает, что делать.

Я лежала, глядя в потолок, и слушала – как мать сдерживает дыхание, как потрескивает дерево, как молчит лес. Сон не приходил. Мысли петляли по тем же тропам, что и мои страхи. В голове звучали обрывки: голос старейшины, сгусток страха в словах матери, и тот взгляд отца, который я никогда раньше не видела. Он был не просто встревожен – он узнал зиму. Узнал её, как узнают старого врага.

Я пыталась закрыть глаза. Но даже в темноте я видела лес. Его тени проникали в меня, как дым – медленно, неумолимо. Они больше не прятались. Они смотрели. Ждали.

И я знала: что-то приближается.

Не день. Не буря.

Что-то, у чего нет имени.

Глава 3

В тот день утро ничем не отличалось от других – серое, плотное, сжимавшее избу изнутри. Очаг потрескивал, не столько грея, сколько напоминая: дрова на исходе. Я в который раз перевела взгляд на связку хвороста у двери – её почти не осталось. С каждой щепкой исчезало ощущение безопасности, как с треском уходящего жара.

Мать стояла у стола. Лезвие ножа быстро и глухо врезалось в капусту. Ни слов, ни взгляда. Только её спина – прямая, неподвижная, как ствол дерева, пережившего бурю.

– Я ненадолго, – сказала я, надевая шаль. – Соберу немного веток у опушки и вернусь.

Рука её замерла на секунду, потом снова пришла в движение. Голос стал резким, отрывистым:

– Не ходи. Подожди отца.

– Мне нужно совсем немного, – я старалась говорить спокойно, но голос предательски дрогнул. Упрямство сжалось внутри тугим клубком – если я останусь, просто сойду с ума. – Я не уйду далеко.

Она не ответила. Только нож ударил сильнее. И это молчание было хуже любого запрета. Она уже знала, что я пойду – и боялась этого больше, чем мороза.

Я натянула валенки. Воздух за дверью ударил в лицо ледяной стеной. Мороз вцепился в щёки, пробежался по запы-

ствиям, заполз под ворот. Но мне стало легче.

Свежесть – даже такая, кусачая, злая – рвала пелену, в которую заворачивала домовая тишина.

Лес встречал пустотой. Ни следов. Ни звуков. Зима выгнала всё, что дышало. Только я – живая, тёплая – стояла на границе, где кончалась деревня и начиналось иное.

Я шла по узкой тропе, утопая в снегу по щиколотку. Шаги звучали так громко, будто их слышал весь лес. Ветви деревьев, укутанные снегом, были тяжёлыми и неподвижными. Лишённый привычной живости, лес не вызывал у меня тревоги. Я всё ещё хотела верить, что это мой лес. Тот, в котором я выросла. Тот, что знал моё имя. Упрямо держалась за это чувство – как за последний осколок детства, не желая признать, что что-то изменилось.

Собирая ветки, я напевала себе под нос. Мелодия – простая, деревенская, та самая, что звучала на праздниках. Тихий напев заполнял пространство, вытесняя нарастающее ощущение одиночества. Пальцы немели, тяжесть в руках росла, но это было лучше, чем снова сидеть дома в застывшем воздухе тревоги.

И всё же – лес слушал. Я чувствовала это кожей.

Когда я наклонилась за очередной веткой, что-то изменилось. Ветер, которого не было, вдруг пробежал по шее, как холодная игла. Я выпрямилась, и всё вокруг стало другим. Линии обострились, будто мир затаил дыхание. Свет – туск-

лый, холодный. Тени вытянулись, как если бы солнце сдвинулось на несколько часов вперёд, хотя оно едва успело подняться над горизонтом.

И в этом странном замедлении – я ощутила взгляд.

Он не касался кожи. Был глубже. Как будто кто-то не просто смотрел, а заглядывал внутрь. Без разрешения. Без слов.

Я замерла. Не шевелилась. Только глаза двигались, выискивая в бело-серой тишине то, чего быть не должно.

И тогда я увидела его.

Он появился без звука – не из тени, не из ветра, а из самого зазора между вдохом и выдохом леса. Один миг – пустота. Другой – он уже стоял. Там, где снег был девственно нетронут. Будто сама земля раскрыла ладонь и выпустила его наружу.

Он больше не прятался. Облик был ясен, но от этого не становился понятнее. Черты зверя – да. Но с каждым взглядом в нём раскрывалось нечто иное. Не хищник. Не дух. Не человек. Он стоял как равный – как существо, чья природа слишком стара, чтобы её можно было назвать. Шерсть уже не казалась просто густой и тёмной. В её движении пробежали тени, будто сам лес скользил по его спине. Хребет – всё тот же острый изгиб, но теперь он не пугал. Он напоминал мне что-то... что-то забытое. Из сна? Из крови? Из древней сказки, которую бабушка когда-то шептала на грани сна – и тут же обрывала, будто боясь, что её услышат не те уши.

Его глаза.

Не было вспышки. Не было неожиданности. Только встреча – мгновенная и глубокая. Это был не взгляд, а прикосновение. Его глаза больше не были просто углями. Они мерцали, как угасающее небо перед бурей. В них был вопрос. Было знание. И, возможно, было сожаление.

Он смотрел не на меня – а сквозь. Вовне и внутрь сразу. Словно искал не лицо, а то, что прячется за ним. И то, что он там находил, заставляло его оставаться.

Я почувствовала странное движение под кожей – не страх, не желание убежать, а зов. Признание. Он был частью мира, в который я когда-то вступила босыми ногами по росе. Он был там – ещё до меня.

И тогда я услышала:

«Ты должна знать».

Слова не пришли голосом. Не мыслью. Они просто были – во мне. Отзвучали внутри, как зов, которому не нужно объяснение.

Я не ответила – не могла. Только сердце сжалось, потому что часть меня действительно ждала ответов.

«Путь уже начался».

Он шагнул вперёд. Всего один шаг – и этого оказалось достаточно, чтобы пространство между нами стало другим. Мир сдвинулся. Как во сне, когда всё вроде бы на месте, но ты уже знаешь: за гранью привычного что-то изменилось.

Запах его не был звериным. Не лесным. В нём был дым древних костров, влага пещер и что-то ещё – первобытное,

щемящее, как память о времени, которого никогда не было.

«Но есть выбор», – голос продолжил. Резко. Бескомпромиссно. Волк сделал ещё шаг, и снег под его лапами заскрипел. Лес замер. Ждал.

Я хотела закричать – но звук застрял в горле. Хотела убежать – но ноги будто вросли в землю. Он был слишком близко.

Он наклонил морду и медленно обнюхал меня. Его дыхание касалось лица – обжигало холодом, как ледяной ветер. Он не искал запаха тела. Он искал суть.

Сердце билось так громко, что, казалось, разорвёт грудь. Волк чуть отстранился, словно собираясь сказать ещё что-то, но тишину разорвал резкий звук. Треск веток. Быстрое, тяжёлое дыхание.

Я обернулась.

Из-за деревьев выбежал отец. Его лицо перекошилось от смеси гнева и ужаса, а в руках он крепко сжимал топор. Глаза горели решимостью – он уже принял выбор и был готов защищать меня любой ценой.

– Прочь! – закричал он, и его голос был громче, чем я когда-либо слышала. Казалось, крик прокатился эхом по всему лесу.

Волк обернулся. Его спина выгнулась, шерсть встала дыбом, а глаза, которые до этого смотрели на меня с пугающей осознанностью, вспыхнули, как раскалённые прорехи. Он не издал ни звука, но воздух между ними наполнился таким на-

пращением, что его можно было почти ощутить.

Отец рванул вперёд с топором, разрывая морозную тишину своим криком, но волк стоял неподвижно, словно высеченный из льда. Когда лезвие почти настигло его, зверь молниеносно метнулся в сторону. Движение было настолько быстрым, что казалось – он растворился в воздухе. Отец потерял равновесие, но, как загнанный в угол зверь, снова кинулся в атаку.

Я оторвала ноги от земли, сделала шаг назад, но не могла уйти дальше – происходящее парализовало. Это был не просто бой. Это был танец смерти, в котором каждая ошибка могла стать последней.

Волк бросился на отца с рёвом, что сотряс сам воздух. Отец вскинул топор, отразив удар, и на миг показалось, что он берёт верх. Лезвие скользнуло по плечу зверя, оставив глубокий порез. Кровь капнула на снег – алая, неестественно яркая. В сердце вспыхнула надежда.

– Давай же, тварь! – выкрикнул отец, стиснув зубы.

Волк снова прыгнул, но отец, двигаясь с отчаянной ловкостью, сумел отбить удар. Каждый взмах топора сопровождался свистом, шаги – треском снега. Но зверь был быстрее. Он исчезал, появлялся, кружил, заставляя отца метаться и менять позицию.

– У него получится... – прошептала я, не осознавая своих слов.

Вдруг волк остановился. Его горящие глаза впились в от-

ца. Тот понял, что зверь готовится к решающему броску, и крепче сжал топор, перехватив обеими руками.

– Давай, попробуй! – проревел он, лицо пылало яростью.

Волк прыгнул. Отец шагнул в сторону, выкрикивая что-то бессвязное, и на этот раз лезвие рассекло бок зверя. Тот рухнул на снег, и его вой разнёсся над лесом – низкий, древний, исполненный боли и силы. От этого звука всё внутри сжалось, а дыхание сбилось.

Зверь поднялся. Его шаги были тяжёлыми, из раны текла густая кровь. Отец шагнул вперёд, занося топор для последнего удара.

– Это конец! – крикнул он, готовясь добить зверя.

Но волк внезапно рванул вперёд. Всё произошло слишком быстро. Он увернулся от удара и в одно мгновение оказался рядом. Мощным движением сбил отца с ног – падение отозвалось глухим эхом в лесу.

Я закричала, но голос утонул в зверином рёве. Топор выскользнул из руки и утонул в снегу, как последняя надежда. Волк навис над ним, пар из пасти стелился белыми клубами. Его взгляд снова встретился с моим. В нём не было злобы. В нём была... печаль.

Но милосердия не было.

Клыки вонзились в грудь отца. Крик был коротким, пронзительным. Я видела, как руки его обмякли, как жизнь покидала тело. Хруст костей разорвал тишину. Этот звук останется со мной навсегда.

Я хотела закричать, но не могла. Лес сковал меня своей волей. Волк обернулся. Его морда была окровавлена, но глаза оставались осознанными. Долго он смотрел на меня, будто ждал. А потом, словно услышав чей-то зов, исчез в глубине леса.

Я бросилась к отцу. Его глаза были открыты, но пусты – как если бы вместе с кровью ушло и всё, что делало его живым. Я трясла его, звала, но всё было тщетно. Последнее тепло уходило, растекаясь по снегу алым, как зарево.

Лес молчал.

Всё застыло. Даже время, казалось, остановилось, чтобы сохранить этот миг.

Я подняла голову и посмотрела в чашу. Деревья стояли безмолвно, но их тени вытягивались склоняясь ко мне. В их изгибах сквозило нечто волчье – древнее, голодное, вечное.

Я осталась на коленях, сжимая окровавленные пальцы отца.

И тогда поняла: лес забрал его. Как забирает всё, что считает своим.

Волк был не просто зверем. Он был голосом леса. И он уже не отпустит меня.

Глава 4

Я не помню, как оказалась дома. Не помню дороги, как открывала дверь, как переступала порог. Всё будто исчезло – растаяло в вязкой и липкой темноте. Это была не просто тьма. Тьма бывает разной. Иногда – мягкой, как ночь, когда дышит огонь в печи и мама шепчет тебе сказку. Иногда – тревожной, как шаг по настилу, когда не знаешь, провалится ли он под тобой. Но это было нечто иное. Это была пустота. Без дыхания. Без звуков. Без ожидания. Как комната, в которой всё живое ушло.

Меня словно вынули из жизни и забыли вернуть обратно. Говорят, меня нашли. Кто – не помню. Мать? Соседка? Старейшина? Их голоса проходили мимо, как вода сквозь сито. Что-то говорили, укладывали, поили чем-то горьким. Я слышала их сквозь толщу стены – не открывая глаз, не двигаясь.

Иногда казалось, что я и не дышу. – Она не плачет, – сказал кто-то. И правда – не плакала. Я просто смотрела в потолок пытаюсь отыскать смысл между закопчёнными пятнами. Так тянулись дни. Или недели. А может, целая жизнь.

Но что было до этого...

Я помню.

Он шёл впереди, раздвигая ветки. Смеялся, когда я запи-

налась в сугробе. Его рукав пах смолой и кожей. Когда он брал меня за руку, ладонь была тёплой. Крепкой. Как у тех, кто любит – и защищает. Он говорил, что лес надо слушать. Что деревья помнят. Что если долго молчать рядом с ними – они ответят. Я смеялась. Не верила. Теперь – верю.

Всё произошло слишком быстро, чтобы понять. И слишком сильно, чтобы забыть. Я помню, как он обернулся. В его взгляде промелькнуло что-то странное. Не страх. Скорее – удивление. Будто он увидел то, чего не ждал. Или понял – слишком поздно.

А потом – крик. Резкий. Глухой. Такой, что будто треснуло небо. Это был не крик боли. Это был крик утраты. Крик конца. Мир рухнул. Сразу. Навсегда. Снег под ним стал тёплым и тёмным. Капли крови вспыхнули на белом, как ягоды рябины. Я стояла. Не могла сдвинуться. Тело застыло. А сердце билось – рвано, дико.

А потом – глаза.

Волчьи. Не звериные. Не злые. Глаза судьи. Смотрящие сквозь и видящие сразу всё: кем я была, кем стану, и то, что уже не вернут. Я не кричала. Просто стояла. А внутри – только мысль: если бы я осталась. Если бы не ушла. Если бы послушалась мать... А за ней – другая. Холодная. Тянущаяся медленно, как талая вода под льдом.

Вина.

Не жгла. Не давила. Просто вползла. И осталась. Тихо. Навсегда.

Я была всего лишь ребёнком.

Я знала, где искать малину, как отличить съедобный гриб от ядовитого, и как переждать ливень под широким лопухом. Маленькие, нужные знания – такие, что делают тебя почти взрослой. Я гордилась ими. Думала, что умею быть сильной. Что этого – достаточно. Но всё, чему я научилась, не могло спасти меня тогда. Никто не учит, что делать, когда умирает тот, кто был твоим миром. Я умела держать в руках тёплый хлеб. Умела ждать отца с охоты. Умела верить, что если что-то уходит, оно обязательно вернётся. Но я не умела терять.

Иногда мне казалось, что всё это – не со мной. Что сейчас я проснусь. Он будет шуметь у печи, звать меня. А я – встану. Побегу. Улыбнусь. И всё будет, как прежде. Будто ничего не случилось.

Но случилось.

Я боялась спать. Потому что сны возвращали меня туда. В лес. К хрусту снега. К повороту головы. К тому моменту, где он не успел. Я не кричала тогда. Но потом – да. Тихо. Беззвучно. В подушку. Так, чтобы никто не услышал. Потому что если закричишь – он услышит. Не отец.

Он.

Я знала: волк ушёл. Но он остался. В тенях. В шорохах. В зеркалах. Он больше не охотился. Он ждал. Он вползал в мои сны. В страхи. В саму тишину. Он говорил – не словами. А временем. Дыханием. Памятью.

Он знал.

Что я видела. Что я осталась. И только одно не отпускало: Почему – не я? Иногда казалось: это не он убил отца. А я. Моим шагом. Моим смехом. Моим упрямством. В тот день, когда всё ещё было целым.

Я прокручивала это снова и снова.

И каждый раз пыталась что-то изменить – взгляд, слово, направление. Но всё оставалось так же. Он боролся. Он кричал. А я – стояла. Всегда. И я не могла ничего сделать.

Я пыталась вычеркнуть тот день. Стереть его – из памяти, из тела, из дыхания. Заменить другим. Где мы просто вернулись. Где он не сражался. Где снег оставался белым. Я выдумывала, как всё могло быть. Как я могла пойти другой тропой. Могла остаться дома. А он мог выжить. Но день не уходил. Он оставался. В теле – как чужой след. Во сне – как замкнутый круг. В тишине – той самой, что прилипает к коже.

Я не могла дышать.

Не могла спать. Не могла забыть. Я не чувствовала ни времени, ни себя. Лишь пустоту забравшую всё. Всё, что могло гореть, – сгорело. Слова. Память. Сердце. И теперь там только чёрная зола. Ещё тёплая. Но мёртвая.

Глава 5

Дни сливались в одно бесконечное мгновение – без начала, без конца. Я жила, как вялый призрак, в доме, где всё остановилось. Время. Слова. Тепло. Я не знала, куда деваться. Куда спрятать себя и свою вину. Своё нежелание быть.

Я хотела найти поддержку. Хоть какую-то. Тянулась к матери. Но она почти не подходила ко мне. Не спрашивала, как я. Не гладила по голове. Не говорила ничего.

Каждое утро она вставала до рассвета, закутывалась в выцветшую шаль и начинала день – словно всё было по-прежнему. И ничего не случилось. Она месила тесто. Мыла полы. Кидала поленья в очаг. Не глядя. Почти не дыша.

Иногда накрывала стол на троих. Тарелка, ложка, чаши – аккуратно, как прежде. Словно он должен вернуться. Вот-вот. С минуты на минуту. Словно этот вечер – просто ещё один из многих. Но я видела: это не надежда. Это – память, застывшая в жестах. Тело помнило привычку жить, даже когда жизнь уже кончилась.

Я пыталась понять. Может, она винила меня. Может, не могла смотреть в лицо, в котором слишком многое – от него: его глаза, его складка бровей, его тишина. А может, её боль была слишком глубокой, чтобы прикоснуться хоть к чьей-то другой. Даже к моей.

Я хотела подойти. Заговорить. Спросить хоть что-то. Обнять. Но не могла. Между нами выросло молчание – не как стена. Как бездна. В неё нельзя было сделать шаг. Только падать. Без звука.

Каждый вечер она садилась у очага. Поджимала ноги. Смотрела в огонь. Долго. Неподвижно. И её уже не было здесь. В её взгляде не было ни злости, ни печали, ни надежды. Только тишина. Тяжёлая. Усталая. Живая. Та, к которой не подступиться. Не дотронуться. Не крикнуть. Не вернуть.

Иногда её губы шевелились. Без звука. Словно она разговаривала с кем-то... но не со мной. И этот безмолвный шёпот, пробирался под кожу. Холодил. Пугал. И заставлял меня затаиваться, словно я – лишняя в собственном доме.

Мне было больно. Иногда – обидно. Иногда – страшно. Потому что я осталась одна. Не просто без отца. Без матери – тоже.

Я перестала выходить из дома. Порог стал границей между жизнью и чем-то иным. Не смертью. А пустым, беззвучным существованием. А снаружи – шёл снег. Горели окна в соседних избах. И жизнь продолжалась. А я – не могла. И именно это было невыносимо. Не тьма. Не боль. А то, что жить – можно, даже когда у тебя всё оборвалось.

Я долго не верила, что что-то ещё способно нарушить это молчание. Но однажды... оно дрогнуло. Сначала – в самой глубине. Не снаружи, не в доме. А во сне.

Он пришёл не как раньше. Не тяжёлый, с тенями и шепо-

том волка. Этот был другим. В нём не было страха, не было холода. Только мягкий, приглушённый свет – неяркий, молочный, словно разлитый по воздуху дым от утреннего костра.

Мне снился лес, но не тот, что уносил. Лес тихий, дышащий. Я стояла среди деревьев босиком. Под ногами – влажный, тёплый мох. Ни снега, ни ветра. Только тишина, как дыхание самой земли. В ней звучал пульс – ровный, глубокий.

Из глубины леса, где прежде жила только тьма, донёсся голос. Не совсем голос – шёпот. Женский.

– Предназначение... Спасение...

Слова не рвались сквозь воздух – они струились, расходясь кругами, как от капли в воде. Я не понимала смысла, но чувствовала, как эти звуки ложатся на сердце тяжестью. Они предназначались мне. Только мне.

И вдруг я увидела платок. Он висел на ветке, чистый, белый, с той самой вышивкой. Только теперь символ светился изнутри – мягким, ровным светом, как дыхание живого существа. Я протянула руку... и проснулась.

Сделала резкий вздох. Комната оставалась во власти ночи, но теперь тьма ощущалась иначе. В ней больше не было тяжести. Я лежала и прислушивалась к себе. К биению сердца. К тишине.

Платок... Я знала, где он. Я хранила его – в сундуке, под сложенными рубашками, в самом дальнем углу. Там, где никто не смотрит.

Я поднялась. Осторожно, почти беззвучно. Колени подогнулись, но я не остановилась. Подошла к сундуку, открыла. Он лежал там. На ощупь – такой же, как всегда. Но теперь я ощущала: что-то в нём изменилось. Я провела пальцами по вышивке. Символ стал чётче, глубже, будто ткань вбирала в себя нечто новое. Или раскрывала старое. Не думая, я сжала платок в руке и вышла в главный покой.

Мать сидела у печи. Не спала. Не шевелилась. Смотрела в огонь. И в её лице впервые было не только горе. А что-то ещё – ожидание. Я протянула платок.

– Мама... посмотри.

Её взгляд скользнул по ткани. В следующую секунду она побледнела.

– Откуда он у тебя? – голос сорвался. — Ты что, вспомнила?

Я кивнула. Пламя в печи дрогнуло – будто знало: назад не повернуть.

Мама не сразу взяла платок.

Сначала она просто смотрела на него. Лицо – неподвижно. Только глаза – живые и тревожные. Они задержались на символе – той самой женской фигуре с венком. В этот миг в ней что-то дрогнуло. Я это почувствовала. Будто холод вдруг сменился тёплым ветром.

– Нашла его... – выдохнула она наконец. Голос прорвался сквозь глухую тьму – слабый, сдавленный, усталый.

Я кивнула.

Она опустила взгляд. Пальцы коснулись ткани, провели по вышивке – медленно, осторожно, будто от этого зависело нечто большее, чем просто разговор.

– Это... знак, – прошептала она. — Лесной. Его не все видят. Не всех он слышит. Он не злой, нет. Но древний. Старше нас. Старше самой земли под ногами. Его по имени не зовут.

Я забрала платок и сжала его в ладонях. Мать устремила свой взгляд на пламя в печи ища в нём ответы. Лишь спустя несколько дыханий она продолжила:

– Если он дал тебе этот знак... значит, просит. О чём-то. Может – о помощи, а может хочет предупредить. Лес не делится дарами просто так. И не с каждым.

– Это он меня выбрал? — голос предательски дрогнул. Кажется, если сказать громче – всё рассыплется. – Почему?

Мать не ответила сразу. Лишь вздохнула – так, будто из груди вырывалась не просто боль, а сама память.

– Я не знаю, – наконец сказала она. – Может, потому что ты слышишь. Чувствуешь. С самого детства. А может... – она запнулась. – А может, потому что тебе придётся.

Я крепче сжала платок.

– Но за что? Я ведь ничего не сделала. Я просто... ребёнок.

Мать повернулась ко мне. В её взгляде не было укора – только усталость. И страх.

– Так в том и суть. Ребёнок чище. Не врёт себе. Не прячется. Он – как есть. Дух таких и слышит.

Я опустила глаза. В груди росло странное чувство – и тепло, и холод одновременно. Будто меня окликнули по имени, которого я ещё не знала.

– Ты... видела его? – я с трудом подняла глаза. – Или слышала? Почему ты молчала?

– Потому что с этим рано встречаться. Пока время не пришло, – почти шёпотом. – Я хотела, чтобы ты жила... по-другому. Без этого.

Она умолкла. Огонь снова притянул её взгляд.

– Мама... зима, волк... всё это уже было?

Она молчала, и я уже подумала, что она не ответит.

– Эта зима... – наконец заговорила она, глухо. – Она уже приходила. Не такая, но... слишком похожая. Это было перед тем, как ты родилась.

Я напряглась, ловя каждое её слово.

– Всё началось с огня. Пожар вспыхнул ночью, в центре деревни. Мы тогда жили у бабушки, на краю, и ничего не слышали. Но в том пожаре появился он. Не крался. Не прятался. Вышел к людям, будто точно знал, кого ищет. Прямо на площадь.

Мать сжала руки на коленях. Пальцы побелели от напряжения.

– Он не просто нападал... Он выбирал. Тех, кто не успел убежать. Говорили – рвал, как будто искал что-то под кожей. После него осталась только тишина и кровь на земле. Нас не пустили на площадь, только пересказали. И то – шёпотом.

Все говорили одно: это был не зверь. И не человек.

Она на мгновение замолчала. Воздух словно сгустился.

– А потом он ушёл. Просто исчез. И началась зима. Три круга солнца снег лежал. Три весны прошло, прежде чем распустился первый цветок. Люди варили кору. Гибли старики. Младенцы не рождались. Всё замерло. Будто мир выдохнул – и не вдохнул.

Я не шевелилась. Только смотрела на неё.

– Потом всё стихло, – продолжила она. – Будто ничего и не было. Люди перестали говорить. Только в сторону леса больше не глядели. А теперь... платок. Ты. Его взгляд. Снова зима.

Она повернулась ко мне. В её глазах – не страх. Не гнев. Только усталость. И знание.

– Всё возвращается, – сказала она. – Но не случайно.

– А волк? – спросила я. – Он... это дух? Или что-то другое?

Мать вздрогнула. Губы стянуло в нитку. – Я не знаю, – выдохнула она после долгой паузы. – Может, он его тень. Или наказание. Его называют по-разному. Иногда – страж. Иногда – кара. Но никто не знает точно. Я сделала шаг ближе.

– Почему он пришёл тогда? Почему пришёл сейчас? Что ему нужно? – слова срывались торопливо, как будто я боялась упустить что-то важное.

Мать посмотрела на меня устало. В её глазах – боль и что-то ещё: глубокое, упрямое.

– Не всё нам дано понимать, девочка. Лес... он хранит свои тайны крепче, чем люди держат слово. И иногда ответы хуже самих вопросов.

Я не отступала.

– Но почему я? Почему он выбрал меня?

Мать отвела взгляд. Пламя в печи дрогнуло, осветив её лицо – потемневшее от мыслей.

– Я не знаю, – сказала она тихо. – Правда не знаю. И это пугает меня больше всего. Она замолчала. Долго смотрела на огонь, словно искала там поддержку или совет. Потом подняла глаза.

– Бабушка, – произнесла она вдруг. – Только она может знать больше. Мы не ходили к ней... с того дня, как... – голос дрогнул, но она быстро собралась. – Она всегда знала. Больше, чем показывала.

Я всмотрелась в мать, и что-то дрогнуло в груди – страх и надежда вперемешку.

– Я схожу к ней, – сказала я почти шёпотом.

Мать кивнула, но в её лице промелькнула тревога.

– Не с пустыми руками. Возьми хлеба, мёду... гостинцы. Старики всегда видят больше, когда к ним идут с добром.

Она сжала моё запястье чуть крепче, чем обычно.

– И слушай. Всё, что она скажет. Даже если не поймёшь сразу – слушай.

Я снова кивнула, чувствуя, как сердце забилося чаще.

В комнате стало совсем тихо. Пламя потрескивало, и ка-

залось, оно тоже ждёт.

Мать замолчала, и в доме снова повисла тишина. Но это уже не была та вязкая, удушливая пустота, что стояла все полгода после смерти отца. В этой тишине дрожало нечто новое – словно невидимая нить натянулась между мной и тем, что ждало впереди, скрытое в глубине леса и времени.

Я сидела неподвижно, сжимая платок. Мысли клубились в голове, как испуганные птицы, не находящие выхода. Бабушка... Я почти не помнила её. Лишь обрывки воспоминаний: запах сушёных трав в избе, тёплые морщинистые руки, тяжёлый взгляд, в котором строгая суровость смешивалась с чем-то надёжным, почти ласковым. Когда отец был жив, мы навещали её чаще. Пешком – по длинной тропе, что вилась за деревней и уводила нас всё глубже в чащу. Потом – всё реже. А с тех пор, как отца не стало, мы больше не ходили вовсе. Полгода. Полгода глухого молчания и нескончаемой зимы, что так и не уходила, будто мир застрял в одном бесконечном сне.

Почему? Почему мать избегала бабушку всё это время? Почему теперь вдруг решила послать меня? И почему одну?

Я посмотрела на мать. Она сидела по-прежнему – сгорбившись у печи, глаза впились в огонь, будто разговор давно завершён, и теперь всё, что должно было случиться, уже происходит. Я поняла: дальше не будет ни вопросов, ни ответов. Теперь путь – мой.

Я снова посмотрела на платок. Символ на нём казался странно живым: лёгкая дрожь – словно он дышит в такт моему сердцу. Я прижала его крепче – как оберег, как память, как вызов.

За окном стояла ночь. Густая. Глухая. Лес по-прежнему был неподвижен и безмолвен, как и все эти месяцы. Но теперь я смотрела на него иначе. Лес не просто ждал. Он звал. И вместе с ним – зима, что всё ещё держала землю в холодных объятиях. Тропинка к бабушкиному дому была длинной и уходила туда, где деревья стояли гуще, а снег лежал толще и тяжелее.

Мне было страшно. Но что-то внутри уже проснулось. Что-то, что больше не даст спрятаться. Будто сама зима вделала в меня новую жилку, натянула её, чтобы вести туда, куда суждено.

Я встала. Завтра я пойду. К бабушке. По снегу, по забытой тропе. За ответами. За правдой. И знала: что бы там ни ждало меня – пути назад уже не будет.

Глава 6

Я проснулась задолго до рассвета.

Впервые за долгое время проснулась легко, без того привычного тяжёлого чувства, что обычно давило на грудь, стоило лишь открыть глаза. Внутри пульсировало что-то новое – тихое и непонятное, похожее на предчувствие. Я встала и подошла к окну. Сквозь покрытое изморозью стекло пробивался слабый свет – лишь намёк на приближающийся день. Но даже этого было достаточно, чтобы понять: сегодня всё изменится.

Я оделась быстро, накинула на плечи тёплую шубу и аккуратно спрятала платок в складках одежды. На столе уже стоял небольшой свёрток – гостинцы для бабушки. Хлеб, немного сыра, сушёные ягоды и травы, собранные матерью ещё осенью. Я взяла узелок и уже направилась к двери, когда голос матери остановил меня:

– Подожди.

Я обернулась. Мать стояла у печи, её лицо в отблесках огня выглядело ещё более усталым, чем обычно, но в глазах сверкало что-то тёплое. Что-то, чего я давно не видела.

– Иди сюда, – сказала она тихо.

Я шагнула к ней. Она взяла мою руку, задержала её на мгновение в своих ладонях. Затем подняла голову и внима-

тельно посмотрела на меня.

– Путь неблизкий. Будь осторожна. Лес знает тебя, но помни: он не всегда дружелюбен.

Её пальцы быстро скользнули по моему лбу, щекам и плечам, выводя древний защитный знак. Я видела его раньше, но никогда не испытывала на себе. Это был ритуал, знакомый ей с детства. Движения матери были лёгкими и уверенными, будто сама память вела её руки.

– Пусть духи предков хранят тебя, а дорога будет прямой, – прошептала она, заканчивая ритуал. Затем, помедлив, добавила: – Подожди ещё.

Она подошла к сундуку в углу и осторожно подняла крышку. В её руках появился знакомый предмет. Сердце пропустило удар, когда я узнала охотничий нож отца. Рукоять из потемневшего дерева, клинок – потёртый, с тонкими насечками. Она протянула его мне, и в глазах её блестела влага.

– Возьми. Это нож твоего отца. Он всегда приносил ему удачу. Теперь он твой. Пусть напоминает тебе, какой крепкой и решительной может быть сталь. Такой же будь и ты. Я взяла нож, ощущая его тяжесть в руке. Глаза защипало от слёз, но я быстро моргнула, прогоняя их.

– Спасибо, мама, – сказала я тихо, но твёрдо.

Мать коротко кивнула. Мы обе знали: слов больше не нужно. Я спрятала нож за пояс, глубоко вдохнула и шагнула за порог, в утреннюю тишину.

Передо мной простирался лес – молчаливый, бескрайний, зовущий. Я чувствовала: он ждёт. Бабушка ждёт. Ответы, которых я так боялась и желала, тоже ждут меня там – впереди, в глубине леса.

И я пошла навстречу.

Холод обжигал кожу даже сквозь плотную одежду, воздух был вязким и тяжёлым. Первые минуты я шла уверенно, с чувством почти забытой лёгкости. Путь до бабушкиного дома казался простым и ясным, а деревья – молчаливыми стражами, что не причинят вреда.

Но лес менялся с каждым шагом. Деревья становились всё плотнее, ветви переплетались над головой, и вскоре солнечный свет почти перестал достигать земли. Я ощутила, как темнота незаметно подкрадывается, обволакивая меня плотным, влажным холодом.

Вдруг, словно вспышка, в голове возникла картина: снег, окрашенный кровью, крик отца, волчий взгляд. Сердце забило чаще, виски пульсировали от паники. Я остановилась, пытаюсь глубже вдохнуть, но воздух застревал в горле. Стиснула зубы, сжимая рукоять отцовского ножа так крепко, что костяшки побелели.

Паника не отступала. Картинки прошлого мелькали перед глазами с пугающей ясностью. Я сорвалась с места и побежала, не разбирая дороги. Лес стал враждебным: деревья казались живыми – вытягивали ветви, царапали лицо и руки. Я не смотрела, куда бегу, лишь бы подальше от воспоминаний,

от ужаса, от вины.

Когда дыхание сбилось, я упала на колени в снег. Воздух обжигал лёгкие, перед глазами темнело. Оглянувшись, я поняла, что не узнаю это место. Вокруг – только деревья: высокие, чёрные, чужие. Я вглядывалась в стволы, надеясь найти хоть какой-то ориентир, но всё казалось одинаковым, безликим.

Закрыв глаза, я заставила себя успокоиться, глубоко вдохнуть. «Это всего лишь лес, – повторяла я про себя. – Я найду дорогу». С трудом поднявшись на ноги, я наконец заметила вдали знакомый силуэт старого дуба. Сердце забилось спокойнее, я шагнула вперёд, чувствуя, как постепенно возвращается контроль.

И тут боковым зрением я уловила движение.

Я резко повернула голову и застыла. Из-за деревьев, как чёрные струи дыма, выплывали тени. По форме они напоминали людей – худых, скрюченных, но пустых изнутри, словно сотканных из сажи и мрака. Они двигались бесшумно, будто плыли по воздуху, и с каждым их шагом страх приближался ко мне – ледяной, безжалостный.

Я замерла. Не могла пошевелиться, не могла закричать. Тени были уже близко, я ощущала их дыхание – холодное, мёртвое. Протянутая рука почти коснулась меня, и мороз обжёг кожу. Я поняла: это конец.

Но в тот же миг деревья, будто очнувшись, зашумели. Их ветви резко сомкнулись, образуя живую преграду, заслонив

меня от теней. Ветки трещали, шипели, прогоняя чёрные силуэты обратно вглубь чащи.

Это был шанс. Я резко развернулась и бросилась бежать. Не чувствуя усталости, не оглядываясь, я мчалась сквозь лес, который теперь сам открывал мне путь.

Бабушкина изба возникла внезапно – тёмный силуэт избы на краю поляны. Я почти врезалась в дверь, дрожащими руками постучала, чувствуя, как страх и облегчение сливаются в одно. За спиной молчал лес. Ладонь легла на холодную древесину, словно ища опоры. Я постучала – сначала тихо, неуверенно, потом громче, настойчивее.

– Бабушка! – крикнула я в тишину, но мой голос растаял в лесу, не отозвавшись даже эхом. Никто не отвечал.

Я упёрлась плечом в дверь и резко толкнула её. Дверь поддалась с тяжёлым скрипом и отворилась.

Внутри царил хаос. Стол лежал на боку, разбитая посуда валялась на полу, рядом опрокинутый сундук и сорванные с петель полки. Я шагнула внутрь, настороженно, боясь увидеть худшее.

– Бабушка? – позвала я снова, почти шёпотом. Тишина. Изба словно затаила дыхание, храня молчаливую тайну того, что здесь произошло.

Я сделала несколько шагов, внимательно осматривая пол и стены. Грязные следы, вперемешку со снегом, явно принадлежали нескольким мужчинам. Они ворвались сюда быстро, не снимая обуви, не задерживаясь. Я присела, пыта-

ьясь понять, куда они направлялись.

Отец всегда говорил: следы расскажут всё, если смотреть внимательно.

Я двинулась дальше. Сундук был распахнут и перевёрнут, одежда бабушки валялась на полу – её не забрали. Кто-то искал что-то другое. Мой взгляд метался по светлице в поисках подсказки. На миг он задержался на пустом месте, где всегда лежали бабушкины берестяные записи. Их не было.

Продвигаясь осторожно, словно могла нарушить чей-то сон, я дошла до самого дальнего угла. Сердце сжалось.

На полу лежала разорванная одежда бабушки. Я подняла её, пальцы дрожали. В складках застрял густой клочок чёрной шерсти – грубой, колючей, будто медвежьей, но ещё более жёсткой. В груди похолодело.

Волк.

Мысли вихрем неслись в голове, пытаюсь связать воедино ворвавшихся людей, разорванную одежду и шерсть. Что произошло? Почему волк был здесь? Пытались ли люди помочь? Но где тогда бабушка?

Я рванулась наружу, в ледяной воздух. Глаза лихорадочно искали следы – волчьи, человеческие, кровь, любые знаки. Пусто.

– Бабушка! – закричала я изо всех сил, но голос сорвался, переходя в хриплый стон. Я кричала снова, яростно, отчаянно, пока голос не осип.

– Ты слышишь меня, тварь?! – закричала я в сторону леса,

в тёмную стену деревьев. – Я найду тебя! Я прикончу тебя!

Злоба накатывала волнами, закипала в крови, сжигая остатки страха. Я стояла на поляне, одна среди тишины, сжимая кулаки так крепко, что ногти впились в ладони до боли.

И тогда я пообещала – и себе, и лесу, и волку: больше я не буду жертвой.

Эти слова, сказанные вслух, отозвались во мне эхом – громким, твёрдым, безжалостным. Я почувствовала, как что-то внутри меня окончательно сломалось – та часть, что верила в защиту, в добрые сказки у очага, в крепость родных рук и тёплый голос матери. Всё это рухнуло, словно старый мост под тяжестью снега, который не переставал падать.

Теперь во мне осталась только ярость. Чистая, обжигающая, глубокая – словно впитавшая в себя весь холод и мрак этой бесконечной зимы. Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до боли. Но эта боль стала моей первой победой – болью, которую я контролировала сама.

Я посмотрела на лес – молчаливый, застывший, равнодушный. Я больше не чувствовала себя ребёнком, потерянным в его чаще. Этот лес стал моим врагом и моей ареной, местом, где теперь я буду решать, кто охотник, а кто – добыча.

В голове вспыхнул образ волка – его глаза: холодные, бесстрастные и в то же время живые, будто видевшие насквозь всё, что было у меня внутри. Он был не просто зверем – он стал моей судьбой, моим кошмаром, моей ненавистью. Я

вспомнила отца, его последний крик, кровь, впитавшуюся в снег; бабушкин дом, перевёрнутый и опустошённый. Сердце забилось так сильно, что казалось – готово разорвать грудь.

Я больше не плакала. Вместо слёз меня наполняло чёткое, острое ощущение цели. Мечь не казалась чем-то далёким или чужим – теперь это был смысл моего существования. Каждый шаг, каждое дыхание, каждый удар моего сердца отныне принадлежали только ей.

Я стояла посреди снега, ощущая, как мороз пробирается под одежду, но впервые за долгое время мне не было холодно. Я больше не была беспомощной девочкой, не была жертвой, сломленной страхом и утратой.

Теперь я была охотником.

Волк забрал у меня детство, отнял отца, похитил бабушку. Но вместе с этим он подарил мне кое-что взамен – силу, рождённую из боли, и волю, закалённую в огне утраты.

«Я найду тебя», – прошептала я, и мой голос прозвучал в лесу низко и уверенно, не оставляя места сомнениям. – «И когда это случится, я буду смотреть тебе в глаза так же, как ты смотрел мне. Ты увидишь в них всё: свою вину, мою боль и мою победу»

Я повернулась и направилась обратно к деревне. Мой путь был ясен, и впервые я знала, куда иду. Эта зима стала началом моей битвы – битвы, что завершится лишь тогда, когда я отомщу.

Я шагала вперёд, оставляя за спиной страхи, детские сны

и призраков прошлого.

Теперь впереди был только путь.

И на этом пути меня ждал волк.

Глава 7

Семь лет прошли – и деревня вокруг меня изменилась так же сильно, как и я сама. Зима, что когда-то казалась бесконечной, наконец отпустила нас. Весна сначала боялась возвращаться, тянула время и прислушивалась к чему-то невидимому. Но потом – пришла. Осторожно, по капле, возвращала земле цвет, запах, а вместо с ним и жизнь.

Жители, пережившие суровые месяцы голода и страха, охотно позволяли себе забыть пережитое. Память о страданиях быстро сменилась привычными заботами и повседневными хлопотами. Улицы снова наполнились детским смехом, женщины оживлённо переговаривались у колодца, делясь новостями и слухами, а мужчины отправлялись в лес – сперва с опаской, затем всё увереннее, словно недавние ужасы были всего лишь дурным сном. Всё вновь верили в светлое будущее.

И только старейшина больше не верил в спокойствие. Он изменился навсегда: та страшная зима высекла на его душе глубокий след. Теперь его голос на сходах звучал резко, уверенно и сурово. Он настаивал на том, что зима была не случайностью, а предупреждением, знамением, к которому нужно готовиться. Поначалу люди отмахивались от его слов, считая, что старец слишком впечатлителен. Но постепенно

тревога поселилась и в их сердцах.

С его наставлениями деревня изменилась до неузнаваемости. Вокруг деревни выросла крепкая стена из брёвен. Были построены просторные амбары, куда жители старательно складывали зерно и припасы на случай новой беды. Мужчины, прежде мирные охотники и землепашцы, теперь всё чаще держали в руках оружие и проводили дни в изнурительных тренировках, готовясь защищать деревню от невидимого врага.

Старейшина с каждым днём будто вырастал в глазах деревни. Прежде – мудрый наставник, к которому шли за советом. Теперь – вождь. Его слово уже не обсуждали, а исполняли. В нём было меньше мягкости, но больше силы. Он умело использовал страхи о волке и зиме, превращая деревню из тихого мирного поселения в укреплённый лагерь.

Но были и те, кто сомневался. В полголоса, опасаясь быть услышанными, они говорили, что старейшина зашёл слишком далеко, что власть начала менять его, превращая некогда уважаемого человека в жестокого и бескомпромиссного лидера. Однако эти голоса быстро затихали, подавленные общим настроением решимости, которое сам старейшина поддерживал с завидным упорством.

Лес, окружавший деревню, за эти годы тоже изменился – и эти перемены ощущал каждый, кто осмеливался ступить за край поля. Сначала казалось, будто всё вернулось в норму: тропы снова открылись, птицы пели, дичь попадалась охот-

никам почти так же часто, как прежде. Но под этой видимой жизнью что-то незримо шевелилось.

Охотники, возвращаясь с вылазок, всё чаще обменивались тревожными взглядами. Они замечали странные вещи: деревья с корой, будто обугленной изнутри; тёмные пятна на земле, где больше ничего не росло; и главное – тишину, которая временами становилась гнетущей. Казалось, сам лес иногда затаивал дыхание. Даже старые тропы начали исчезать: пути, знакомые с детства, вдруг обрывались в никуда или заводили так глубоко, что возвращение превращалось в настоящее испытание.

Особенно настораживали встречи с хищниками. Волки и медведи, прежде избегавшие человека, теперь вели себя иначе. Они наблюдали открыто, и в их глазах читалась не просто настороженность, а осознанная злоба. Несколько раз охотники рассказывали, что чувствовали чей-то взгляд за спиной, но, обернувшись, никого не видели.

Семь лет... это была как другая жизнь. Та девочка, что стояла у окна с дрожащими руками, глядя, как отец уходит в лес, осталась где-то далеко – в памяти, в снах. Теперь я ощущала в себе силу, напряжённость, что-то дикое и стальное, как натянутая тетива.

Я не пошла по пути, который от меня ждали. Не стала помощницей матери, не пряталась за печкой. После исчезновения бабушки я знала: возвращения в прошлое не будет. Я выбрала иной путь. Стала добытчицей, которая любой ценой

хотела найти то зло, что скрывалось в лесу и изменила жизнь моей семьи.

Поначалу деревенские смотрели на меня с недоверием. Девчонка с луком и ножом... для них это казалось нелепым. Но я была упряма. Долгими часами сидела одна в лесу, наблюдала за движениями зверей, вслушивалась в дыхание леса, училась понимать его язык по запахам и шорохам. Я просила охотников взять меня с собой. Смеялись. Громко, открыто, так, что слова звенели, будто плевки в лицо.

– Девчонка с луком? Что ты сделаешь, если медведь выйдет? Сказку расскажешь? – осклабился Пахом.

– Домой иди, к матери, – бросил другой. – Тут не прятка.

Я стояла, не опуская взгляда. Только пальцы сводило от напряжения – ногти впивались в ладони, оставляя лунки. В груди жгло. Сердце стучало одно: я должна. Не ради них. Ради себя. Ради отца. Ради бабушки. Ради той девочки, что когда-то боялась зайти в лес после заката.

Каждый день я возвращалась. Не словами – упорством. Училась одна: бегала по лесу, ставила самодельные ловушки, стреляла из лука в вырезанные на коре силуэты. Била до синяков. Когда кровь выступала на пальцах – сматывала тряпкой и продолжала. Страх жил во мне, но больше не командовал.

Иногда в тишине я вспоминала, как пряталась под одеялом, когда ветер завывал за стенами избы. Как боялась собственной тени. И злилась. На себя – прежнюю. На всех во-

круг. На этот мир, который дарит только боль, если не хватает сил стоять прямо.

Главный охотник, Григорий, долго отводил глаза. Но однажды, когда я снова встала у костра – мокрая и уставшая, с луком за спиной – он посмотрел прямо в меня. Долго. Словно искал трещины. Не нашёл.

– Ладно, – сказал. – Придёшь завтра. Груз таскать будешь. Готова?

Я кивнула. Готова была уже давно.

Первые недели были адом. Меня не щадили. В спину летели насмешки:

– Косуля наша опять мешок тащит!

– Осторожно, чтоб юбка не порвалась!

Я молчала. Стирала руки до крови. Таскала сети. Отдира- ла грязь с ножей. Спала в обнимку с холодом и болью. Тело горело, будто меня выворачивали изнутри. Но каждый раз, когда хотелось сдаться, я вспоминала лицо отца. Его руки. Последний взгляд – и этого было достаточно.

Лес казался чужим, но я училась слышать его заново. Замечала, как меняется дыхание под корой деревьев, как трещит земля под лапами зверя. Он говорил со мной. Не словами – тишиной, скрипом, ветром. Я начинала понимать: это не просто место. Это испытание. И союзник, если сумеешь договориться.

Со временем насмешки стихли. Потом исчезли. Они ви- дели: я не ломаюсь. Лес меня не пугает. Я слушаю его – так,

как не каждый из них. Я стояла в этих холодных, полных ожидания взглядах, и всё чаще ловила ощущение: я становлюсь своей среди чужих.

Григорий иногда бросал короткий взгляд через плечо, когда мы возвращались с охоты. В этих взглядах было признание. Молчаливое, но твёрдое. Я знала: он начал верить. И это была та вера, ради которой я шла сквозь насмешки, боль, испытания.

И вот однажды он бросил мне колчан стрел: – Попробуй. Завтра идёшь с нами не просто таскать. Сама будешь на тропе.

Я поймала колчан, пальцы скользнули по древкам стрел, ощутив холод металла и шероховатость перьев. Сердце дрогнуло – не от страха, а от странной, плотной тишины внутри. Я сжала ремень, поднесла стрелу ближе к лицу, вгляделась в её гладкость, силу, острие. В этот миг я поняла: принятие – это не дар. Это вызов. И я его приняла.

Я чувствовала: завтра начнётся новая тропа. Не просто охота – дорога, где придётся доказать право быть. Право выбирать. И быть готовой. Всегда быть готовой.

В тот вечер, возвращаясь домой, я замедлила шаги у порога, позволяя взгляду скользить по вечернему небу. Мысли всё ещё кружили вокруг леса, стрел и той тяжести, что не отпускала после тренировки. Я не сразу зашла в избу; сердце подсказывало: нужно свернуть к соседнему двору. Там жил Ванечка – единственный человек, с кем я могла говорить по-

настоящему. Ему было всего девять лет, худенький, с вечно растрёпанными тёмными волосами и глазами-чистыми лужами после дождя. Упрямый, любопытный, с задорной искоркой в голосе. Он был светлым пятном в этом хмуром, настороженном мире. Я вспомнила, как пару лет назад он при­тащил мне тряпки, когда я порезала руку в лесу, и как стоял перед ребятами, защищая меня от насмешек. Тогда он был совсем малыш, но глаза горели тем же светом, что и сейчас – искренним и сильным. Эта связь между нами была чем-то большим, чем просто соседством: чем-то настоящим, надёжным, как старая верёвка, на которой можно висеть, не боясь сорваться.

Я постучала, но, не дождав­шись ответа, обошла дом. Ваня сидел на крыльце, сосредото­ченно вырезая что-то из дерева. Завидев меня, он взвился, как ужаленный, и птичка выпала из рук.

– Дарина! – заорал он так громко, что где-то залаяла собака. – Ты где была? А я тебя ждал! Ты слышала, как старейшина сказал, что теперь амбар надо строить в два раза больше? А ещё у нас козлёнок родился – белый-белый, как снег! Хочешь покажу? А ещё я видел, как Семён чуть не упал в реку – смешно было, он как жаба выскочил!

Он не давал мне вставить и слова – сыпал фразами, перебивая самого себя, подпрыгивал, бегал по ступенькам крыль­ца, будто в нём бушевали искры. Его глаза сияли, как будто в них отражалось всё солнце. Я поймала себя на том, что улы-

баюсь. Только он мог заставить меня это сделать – легко, как будто никакой боли и не было.

– Я ненадолго, Ваня, – всё же успела вставить я. – Завтра иду с охотниками. Уже по-настоящему.

Он резко замолчал. На мгновение. Глаза распахнулись, челюсть отвисла.

– Правда?! – выдохнул он. – Прямо с ними? Не просто смотреть? Ты пойдёшь? С луком? А копьё дадут? А шкуру потом принесёшь? Я всегда знал, что ты будешь охотницей! Я им всем говорил! А они – «нет, она же девчонка», а я говорил – вы просто не видите!

Он прыгал на месте, раскидывал руки, кружился, и вдруг – резко остановился. Посмотрел на меня снизу вверх. Губы поджаты. Брови хмурые.

– Но ты же вернёшься, да? Обратно. После.

Я присела рядом. Он поднял свою птичку, аккуратно провёл пальцем по зазубренному крылу.

– Обещаю, – сказала я. – Вернусь.

– А я буду ждать. Скажу козлёнку, чтоб тоже ждал. И пусть никто не говорит, что ты не сможешь. Они просто глупые. Они не видят.

Я сжала его ладонь – тёплую, немного липкую от смолы. И в этом касании было больше доверия, чем я получала от мира за последние годы.

Ваня покосился на меня и вдруг спросил:

– А страшно? В лесу. По-настоящему?

Я замерла. Потом кивнула:

– Да. Но и по-настоящему важно.

Он кивнул в ответ. По-взрослому.

И в этот миг я поняла: что бы ни ждало впереди, пока есть такие, как Ванечка, мир ещё держится на чём-то живом и настоящем. Его ладонь в моей руке казалась невесомой, но внутри этой детской хрупкости было что-то упрямое и сильное – напоминание о том, что добро выживает даже там, где всё трещит по швам. Я смотрела на него и вдруг вспомнила себя маленькой: ту, что тоже верила в свет, в простые радости, в то, что мир можно удержать тёплыми руками. Но с годами этот свет во мне угасал, вытесненный болью, страхом и яростью. Ваня был тем напоминанием, что этот свет ещё жив. И я хотела верить, что так оно и есть.

Глава 8

Утро было серым и сырым. Свет не появился сразу – только глухой полумрак под деревьями, где влага собиралась на ветках и скатывалась каплями, словно лес плакал во сне. Листва под ногами хлюпала, нехотя поддаваясь шагу. Воздух был тяжёлым, пахнул прелью, сырой корой и прошлогодним мхом. Лес не шумел. Лес прислушивался. Каждый звук, каждый шорох казался чужим.

Я шла и чувствовала: что-то следит. Не зверь, не человек – сам лес. Он не враждовал, но и не приветствовал. Он ждал. Как страж, которому не сказали, кого впускать.

Паутина блестела у самой щеки, зацепилась за капюшон. Я медленно сняла её пальцами, чувствуя, как они зябнут. Дыхание выходило паром. Роса стекала с корней. Всё казалось важным – каждая капля, каждая трещинка на стволе. Всё что-то говорило, если уметь слушать.

И я слушала. Впитывала. Шла тише, чем могла. Потому что знала: сегодня лес решит, пустить ли нас ближе.

Мы двигались цепочкой – осторожно, с выверенной неторопливостью. Григорий шёл первым: шаг за шагом, точно по звериной тропе, будто сам становился частью леса. Семён и Пахом – чуть позади, сосредоточенные, с глазами, ловящими малейшее движение в подлеске. Я замыкала строй. Кол-

чан мягко покачивался за спиной, стрелы издавали короткий металлический звон, словно перешёптывались между собой. Кожа на плече саднила под ремнём, напоминая о весе, о теле, о внимании. Каждый шаг ощущался не как усилие, а как вступление в невидимую игру, где ставка – жизнь. Эта боль не мешала – наоборот, собирала. Она была якорем, напоминанием: я здесь, я иду, я готова.

Воздух висел плотным полотном. В нём таились следы чужого дыхания. Роса, стекавшая по паутине, поблёскивала тускло, будто и сама не решалась отражать свет. Я чувствовала, как сердце замедляется, как всё внутри замирает в ритме окружающего леса. Здесь не было места словам. Только движение. Только слушание.

Григорий резко опустил на корточки. Его пальцы уверенно раздвинули траву, скользнули по едва примятой земле. Он тронул согнутую ветку, понюхал воздух.

– Тёплый след, – прошептал он. – Недалеко.

Мы замерли. Глаза охотников ожили. Никто не выдохнул. Тишина сделалась вязкой, как мёд. Каждый вглядывался вперёд, пытаясь уловить то, что доступно лишь натренированному взгляду.

Я заметила лёгкий отпечаток копыта у старого пня, где трава была примята. Нечто тяжёлое задержалось там на секунду. Сломанная ветка на уровне плеча. Кора, стёртая с дерева боком зверя. Он шёл осторожно, но его размеры уже ощущались.

Мы продолжили путь, скользя по склону. Ступали мягко – не по камням, а в пустоты между ними. Я старалась точно повторять траекторию Григория, запоминая, как он переносит вес, как наклоняет корпус.

Охота была как танец. Не для зрителя. А для леса. Это был диалог – между человеком и природой, между плотью и инстинктом. И тут нельзя было фальшивить.

Внезапно он поднял руку. Все замерли. Где-то впереди, за чередой кустов, раздался короткий, глухой треск. Не птица. Не зверёк. Что-то большое. Что-то, что ломает – не замечая.

Я наклонилась вперёд. Пульс ускорился. Семён уже тянулся к копыю. Григорий не двигался – его глаза впились в чашу, как у волка, учуявшего добычу.

И в этот миг я почувствовала: мы близко. Очень близко. Это было не знание, а ощущение – древнее, нутряное, будто сама земля под ногами дышала со мной в унисон.

И я поняла: сейчас всё решится. Один шанс. Один выстрел. Один миг – и охота станет настоящей.

И вот лес поредел. Сквозь просветы между стволами пробился свет – тусклый, утренний, чуть запорошенный пылью. Мы вышли на небольшую опушку. Трава здесь была примята, земля свежая, пахнущая влагой. Григорий поднял кулак – знак остановиться. Все замерли.

Тишина стояла вязкая, натянутая, будто струна. И вдруг – хруст. Пронзительный, ломкий. Ещё один. Треск ветвей где-то впереди, за густым кустарником. Что-то большое ломит

лось сквозь чашу. Тени дрогнули. Лес приоткрыл своё нутро.

Григорий медленно потянулся к луку, вынул стрелу. Пахом сжал топор. Я почувствовала, как сердце бьется где-то в ушах, а ладони становятся влажными. Колчан потянул плечо. Я нащупала перо стрелы, ощущая его жёсткость под пальцами. Все приготовились. Напряжение сгустилось. Ветер стих. Лес замер.

И тогда из зарослей вышел он. Лось. Огромный, широкогрудый, с ветвистыми, словно дерево, рогами. Его шкура блестела сыростью, нос трепетал, улавливая наш запах. Он остановился на краю опушки, поднял голову. В этот момент я впервые так ясно почувствовала его величие – не просто зверя, а живую силу леса.

Григорий медленно обернулся, посмотрел мне прямо в глаза. Его взгляд был твёрдым, сосредоточенным. Он сделал рукой короткий, но ясный жест – вперёд.

– Это твой шанс, – сказал он негромко, почти шёпотом. – Покажи, чему ты научилась.

И тогда всё внутри замерло. Дыхание стихло. Время вытянулось тонкой, хрупкой нитью. Я подняла лук, и в этом движении была память. Память о долгих вечерах, когда я стояла у края леса, натягивая тетиву, пока пальцы не горели болью. Память о том, как метила по расщеплённой ветке, пока стрела не ложилась точно в сердцевину. Память о голосе отца, тихом и твёрдом: «Запомни, Дарина. Охотник – не тот, кто убивает. Охотник – тот, кто берёт жизнь тогда, когда это

нужно. И никогда – напрасно».

Я слышала эти слова, будто он стоял за спиной. Видела его руки, сильные, надёжные, что когда-то держали мои – учившие, как направлять лук, как чувствовать ветер, как слушать сердце зверя.

«Ты не просто стреляешь. Ты принимаешь решение. И за каждую стрелу отвечаешь.»

Я подняла лук. Пальцы легли на тетиву. Дыхание выровнялось. Я почувствовала силу натяжения. Почувствовала тяжесть выбора.

И тогда – мысль. Простая, чистая, резкая: «Я не только беру. Я возвращаю». Лес даёт жизнь – и забирает. Охотник – лишь посредник. Я – лишь часть цепи. Но это моя часть. Мой выбор. Моя ответственность.

Лось стоял неподвижно. Его глаза глядели куда-то вдаль, словно он знал, что его путь подошёл к рубежу. Не страх. Не злость. Спокойствие. Принятие.

Я сделала вдох. Задержала его. И отпустила стрелу.

Стрела сорвалась, свистнула в воздухе – и вдруг миг растянулся. Сердце грохотало в висках, лёгкие горели от затаённого дыхания. Я видела цель. Видела – свою первую, настоящую добычу.

Но прежде чем стрела достигла цели, лес рванулся вперёд. Из густой чащи вылетела тень. Волк. Большой, почти чёрный, словно сама ночь вырвалась из зарослей. Он прыгнул прямо на лося, вцепившись в его бок. Лось взревел, резко

дёрнулся, и моя стрела, уже летевшая к сердцу, лишь чиркнула по рогам и исчезла где-то в кронах.

Из кустов выскочили ещё двое. Волки. Быстрые, как молнии. Зубы, шерсть, напряжённые тела. Лось рванулся, затопал, вскинул голову – и бросился в бег. Он нёсся вперёд, пробивая кустарники, ломая ветки, подминая под себя всё, что попадалось на пути. Волки мчались следом, обгоняя друг друга, будто соревновались, кто первым вцепится в добычу.

Все вокруг замерли. Никто не двинулся. Григорий, охотники... их лица были напряжёнными, ошеломлёнными. Этот лес, этот день – они не ждали встречи с таким. Я видела, как Григорий крепче сжал лук, пальцы белели на тетиве. Его взгляд метался, но он не сделал шага. А я... я не могла стоять. Я видела его. Этого волка. Его движения. Его силу. Его взгляд. Был ли это он? Тот самый? Я не знала. Но сердце закричало – догоняй! Я рванулась вперёд, прежде чем кто-то успел сказать хоть слово.

Ветки хлестали по лицу, по рукам, по плечам. Лес распаивался и захлопывался, будто пытался то впустить, то проглотить меня. Земля скользила под ногами, ветви царапали кожу, вырывали волосы. Но я бежала. Бежала за ними. За лосем. За волками. За тем, кого искала с той самой ночи, когда всё изменилось.

Перед глазами мелькали стволы, зелёные вспышки листвы, клочья тумана. Я слышала, как впереди трещат сучья под тяжёлыми копытами лося. Слышала низкий, утробный рык

волков. Почти ощущала запах их горячих тел, перемешанный с сыростью леса.

В какой-то момент я споткнулась, упала на одно колено, ладонями врезавшись во влажную землю. Сердце колотилось, в ушах звенело. Я подняла голову – и увидела их. Лось мчался по узкой тропе, волки были почти наравне. Чёрный – впереди всех. Его спина выгибалась в прыжке, лапы едва касались земли.

Я вскочила, снова рванула вперёд. Лес не давал передышки. Ветки били, цеплялись, рвали. Колчан подпрыгивал на спине, стрела звякнула о наконечники. Дыхание жгло горло, ноги гудели от усталости. Но я бежала. Я не могла остановиться.

Он был близко. Я видела, как свет скользит по его шерсти. Чёрной, густой. Был ли это он? Я должна была узнать. Должна была догнать.

Я рванулась вперёд, сердце стучало в висках. Лес мелькал вокруг: ветки царапали лицо, прутья хватали за одежду. Я бежала, слыша только свой хриплый вдох да хруст снега под ногами. Волки мчались впереди, словно не замечая меня – они были целиком захвачены охотой. Лось нёсся, надрывая дыхание, тяжёлый, огромный. Он пробивал путь сквозь заросли, ломая всё на своём пути.

И вдруг – прыжок.

Чёрный волк взмыл, будто сам воздух подбросил его, и вцепился в шею лося. Зубы сомкнулись. Лось взревел, зава-

лился набок, увлекая хищника за собой. Они рухнули вместе, катясь кубарем, ломая молодые деревья, поднимая тучи снега. Остальные двое волков подросли, бросились к поверженному зверю, вгрызаясь в него. Лось бился, бился – и вдруг замер. Огромный, поверженный, неподвижный. Его крик ещё стоял в воздухе глухим эхом.

Я подбежала ближе. Лук дрожал в руках. Мышцы гудели, дыхание рвалось. Я подняла лук, натянула тетиву, целясь, – и выстрелила. Стрела свистнула, пронзая воздух, и вонзилась в глаз ближайшего волка. Тот взвизгнул – резкий, короткий звук – и рухнул на бок, дёрнув лапами. Остались двое.

Они подняли головы. Кровь капала с их клыков. Глаза светились – не просто животной злостью, а чем-то большим. Чёрный волк сделал шаг вперёд. Другой обошёл сбоку. Они смотрели прямо на меня. Смотрели так, будто впервые видели не добычу, а противника.

Я почувствовала, как спина заливается холодным потом. Лук был в руках. Я крепче сжала древко, пальцы дрожали. Тетива натянута – до предела. Двоих я не возьму. Успею только одного.

Они обходили меня, шаг за шагом. Волки. Хищные, осторожные. Чёрный был впереди. Его глаза – прямые, пристальные, умные. Второй держался сбоку, замыкая круг. Я слышала их дыхание. Я видела, как их тела сливаются с тенью. Это был не гнев. Это был расчёт.

Я перевела дыхание. Сердце билось ровно, как барабан на

последнем круге танца. Он главный. Он нападёт первым. Я должна быть быстрее.

Наши взгляды встретились. Я ощутила, как мир вокруг стянулся, сжался до этой линии между мной и ним. Я видела, как его лапа чуть дрогнула – прыжок.

Я отпустила тетиву. Стрела вырвалась, резанула воздух. Вонзилась в грудь чёрного. Волк рухнул прямо на меня, сбивая с ног. Мир упал вместе с ним.

Тяжесть придавила грудь. Воздух вылетел. Я не могла вдохнуть.

И тогда, в этом темнеющем, давящем мире, пришли воспоминания. Я увидела лицо отца – быстро, будто вспышку. Его руки, когда он учил меня держать нож. Его голос: «Не отводи взгляд. До конца, Дара.» Я вспомнила бабушку. Её старую ладонь. Запах её настоянных трав. Её слова про лес, про знаки: «Лес учит всех. Но слушает не каждого.» И ещё – своё собственное отражение. Маленькая я, дрожащая, та, что боялась темноты. Та, что пряталась под столом, когда гремела гроза.

В этот момент раздался глухой удар. Второй волк взвыл. Я почувствовала, как тяжесть сползает. Кто-то оттащил тело волка. Воздух хлынул в грудь. Я кашлянула, задыхаясь. Открыла глаза.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, с короткими тёмными волосами, небритый, с резкими скулами. Его лицо было усталым, но твёрдым. В руках – посох, с металлического

наконечника которого капала кровь. Плащ – порванный. Ботинки – в грязи. А в глазах... настороженность. И понимание. Он наклонился, протягивая руку.

– Вставай, – сказал тихо. Голос был хриплым, будто долго молчал.

Я посмотрела на его ладонь. Шершавую, загрубевшую. Руку человека, который многое держал. Многое терял. Я взяла её. Почувствовала тепло.

– Ты жива, – сказал он чуть мягче. – Значит, всё только начинается.

И я вдруг поняла: я действительно жива. Я вернулась. Я прошла через это. И впереди – не конец.

Я резко развернулась и бросилась к телу чёрного волка. Тяжёлое, ещё тёплое. Пальцы дрожали, но были цепкими. Я провела ладонью по его шерсти: густая, тёмная, тёплая, чуть влажная. Была ли это его шерсть? Его? Глаза закрыты, клыки всё ещё обнажены. Я склонилась ниже, вдыхая запах крови и дыма.

Мужчина стоял позади. Он не мешал. Только смотрел. Спокойно. Наблюдал. В этом молчании было что-то настораживающее – как будто лес замер, ожидая.

Первым молчание нарушил он:

– Ты охотница? – спокойно, без насмешки, без удивления.

Я не обернулась. Лишь коротко:

– Угу.

Он подошёл ближе, шаги были осторожными, ненавязчи-

выми.

– Как ты очутилась здесь? – мягче, но настойчивее. – Где твои люди? Где твои друзья?

Я выпрямилась. Медленно повернулась. В его глазах не было угрозы. Но был вопрос. И тревога.

– Нет друзей, – отрезала я. – Они позади. Я – сама.

Он прищурился, словно что-то обдумывал, медленно кивнул. Его лицо казалось вырезанным из дерева: строгие линии, обветренная кожа, тяжёлый взгляд. Но в уголках глаз – нежность, которую он старался спрятать.

– Сама, – повторил он задумчиво. – В такой чаще, за лосем... и волком?

Он замолчал, потом тихо добавил:

– Ты либо смелая, либо безумная.

Я фыркнула:

– Безумная.

Он едва заметно улыбнулся уголком рта.

– Это тоже путь. Но не лучший, если одна.

Я отступила на шаг, снова взглянув на волка.

– Он не тот, – выдохнула я, больше себе, чем ему.

– Кто – не тот?

Я не ответила. Он ждал. Потом тихо вздохнул, опустив взгляд на тело зверя.

– Ты его искала? Давно? – спросил он, голос стал мягче, теплее. Почти участливым.

Я отвернулась.

– Не твоё дело.

– Может, и не моё, – спокойно сказал он, – но я оказался рядом. Значит, сейчас – моё.

Я резко обернулась.

– Мне не нужна помощь. Уходи.

Он покачал головой. В этом движении было упрямство, близкое моему.

– Уходи, – повторила я, тише, но с той же колючестью.

– Не уйду, – сказал он спокойно. – Не оставлю одну. После такого... – он кивнул на волков. – Нельзя.

– Я не дитя, – рявкнула я. – Я справлюсь.

– Может, и не дитя, – медленно произнёс он, – но одна ты всё равно остаёшься слишком... маленькой. Для этого леса.

Я прищурилась.

– Что, жалеешь? Думаешь, я слабая? Пожалеешь меня?

Он чуть наклонил голову, разглядывая меня – спокойно, внимательно.

– Не жалею, – сказал он. – Уважаю. А это, знаешь ли, разные вещи.

Эти слова зацепили. Я отвернулась, чтобы он не увидел, как губы дрогнули.

Он сделал шаг вперёд. Не угрожающе. Просто ближе.

– Я уйду, если хочешь, – сказал тихо. – Но знай: скоро ночь. И за ночь этот лес проглатывает тех, кто остался один.

– Проглотит – значит, моя судьба, – выдохнула я.

Он усмехнулся уголком губ.

– Упрямая. Как жеребёнок.

– Лучше упрямая, чем беспомощная.

– Упрямство – это хорошо, – кивнул он. – Но упрямство не всегда спасает. Иногда... – он замолчал, подбирая слово. – Иногда оно мешает. Когда помощь – не слабость.

Я молчала. Слушала, но не отвечала. Он ждал. Не спешил. Просто стоял рядом, как скала, неподвижный, уверенный.

– Я не прошу, – сказал он наконец. – Я предлагаю. Чтобы вместе.

Я посмотрела на него. Его лицо. Его глаза. Тихая сила. Прямота. Спокойствие. Странное тепло в этих глазах.

– Почему тебе не всё равно? – спросила я резко.

Он пожал плечами.

– Не знаю. Может... – он криво усмехнулся. – Может, потому что один раз я уже потерял кого-то. И теперь... не могу.

Я нахмурилась. Сердце дёрнулось. Мне не хотелось этого слушать. Не хотелось принимать. Я отступила – но земля вдруг показалась мягче. И впервые за долгое время мне не хотелось бежать.

– Делай, что хочешь, – сказала я, отворачиваясь. – Только не мешай.

Он тихо хмыкнул.

– Ладно, охотница. Договорились.

Мы стояли рядом, молча. Я смотрела на волка. Он – на меня. И в этом молчании было что-то новое.

И вдруг из-за деревьев донёсся треск. Ломались ветки.

Спешные шаги.

Мы обернулись – и на поляну вышли Григорий, Семён и Пахом. Запыхавшиеся, в мятой одежде, с оружием наперевес.

– Дарина! – воскликнул Григорий, глаза распахнулись от увиденного. – Во имя Перуна... что здесь...

Он осёкся. Взгляд упал на мёртвых волков. Потом – на меня. Потом – на Всеволода.

Молчание.

– Брат?.. – голос Григория дрогнул. – Ты?..

Всеволод шагнул вперёд, чуть улыбнулся.

– Я.

– И снова в самую гущу, – покачал головой Григорий. – Ну ты... ну ты даёшь.

– Не я. Она, – Всеволод кивнул в мою сторону.

Григорий перевёл взгляд на меня. В его глазах смешались уважение, тревога, удивление.

– Дарина... – начал он. – Чёртова ты...

Он окинул взглядом поляну, тяжело выдохнул, провёл ладонью по лицу.

– Ну... работы тут до ночи, – наконец сказал он, глядя на туши лося и волков. – Если сейчас начнём, только к темноте управимся. Да и не утащить всё разом. Придётся остаться.

Семён, подтянув пояс, хмыкнул:

– Тут и ночевать надобно. Волка, видать, не просто убили. Лес это не забудет. Лучше остаться, костёр развести, да за

тушами присмотреть. Чтоб другие звери не пришли.

– Верно, – кивнул Григорий. – Разобьём лагерь тут. А утром – домой.

Он обернулся ко мне:

– Дарина. Ты как?

Я кивнула. Чувствовала усталость, но и странную лёгкость – будто часть груза спала.

– Всеволод, – продолжил Григорий, – поможешь Семёну с костром. Пахом – со мной. Берёмся за тушу.

Все задвигались, будто по негласному сигналу. Я тоже шагнула вперёд, но Григорий поднял руку:

– Ты сегодня своё показала. Отдохни. Нам ещё охотница целая нужна.

Я немного замерла, удивлённая мягкостью его слов, но послушно села на поваленное бревно у края поляны. Слушала, как в воздухе зазвенел стальной звук ножей, как хрустнула шкура под остриём, как мужчины тихо переговаривались – деловито, спокойно.

Всеволод присел рядом, доставая из сумки мешочек с сухими травами.

– Отвар сварю. Надо согреться, – сказал он. – Ты не дрожишь, но я вижу, как тебя колотит внутри.

Я отвела взгляд.

– Пройдёт.

Он мягко улыбнулся:

– Пройдёт. Но не само.

Пахом громко засмеялся со стороны:

– А эта малявка-то... сильнее нас всех, выходит!

– Не малявка, – сказал Григорий, не оборачиваясь. – Теперь она – одна из нас.

Эти слова ударили неожиданно тепло. Я смотрела на их спины, на то, как они работали плечом к плечу, молчаливо, слаженно. Впервые за долгое время я почувствовала: я не в стороне. Я – часть.

Ночь опустилась быстро. Костёр разгорался, жарко потрескивая. От его света деревья казались великанами, чьи тени кружились в танце.

Все собрались ближе к огню. Всеволод подал мне чашку отвара – тёплого, терпкого, пахнущего дымом и травами.

– За тебя, охотница, – сказал он тихо. – За первый шаг.

Я сделала глоток. Горячее тепло разлилось внутри, будто кто-то зажёт огонёк прямо под рёбрами.

– Ну и день, – протянул Григорий, вытянув ноги. – Лось, трое волков... А ещё и брат мой объявился, как из лесу вынырнул. И как всегда – в самую заваруху.

Всеволод усмехнулся:

– По-другому бы и не пришёл.

– А я думал, ты всё за горном своим сидишь, – сказал Пахом. – Куёшь там свои подковы да ножи.

– А вот нет, – спокойно ответил Всеволод, бросив в костёр сучок. – Путь привёл.

Я слушала их разговор, почти не вмешиваясь. Их слова

звучали по-доброму, без остроты. Они смеялись, подкалывали друг друга. В этих репликах чувствовалась сила... и уют. Их смех был как дым костра: щекочущий, щемящий, тёплый.

Я украдкой улыбнулась. Это было... непривычно. Необъяснимо приятно. словно сердце, заброшенное холодами, оттаяло хоть чуть-чуть.

– Завтра рано пойдём, – сказал Григорий, бросив взгляд на меня. – Отдохни, Дарина. Сегодня ты заслужила.

– Заслужила, – повторил Всеволод, кивая.

Я молча кивнула. Положила голову на колени, слушая потрескивание дров, шёпот листвы, дыхание леса, ровные голоса мужчин.

В ту ночь я долго не могла заснуть. Но впервые за много лет я чувствовала: я среди своих. Я под защитой. Я... жива.

И пусть впереди ждало неизвестное – эта ночь будет со мной. Как память. Как свет, который согреет в самые холодные времена.

Глава 9

Мы вышли из леса ближе к полудню. Солнце стояло высоко, воздух уже прогрелся. Ветви позади всё ещё держали на себе остатки весенней сырости, но впереди, на поляне, уже пестрела свежая трава. Шли мы неспешно: туша лося на волокуше, две волчьи шкуры, один раненый трофей. Третьего – чёрного – мы оставили. Это предложил Всеволод, и никто не спорил.

К деревне подходили по старой дороге, вдоль которой уже зеленели кусты. У первого сруба нас ждали. Старейшина стоял прямо, в тёмной чистой одежде с узорным краем. Седая борода аккуратно расчёсана, взгляд – колючий. Поодаль – двое дружинников. Молодые, но с копьями наперевес, будто на войну идут.

– Григорий, – сказал старейшина, не сдвинувшись с места. Голос ровный, твёрдый. – Хорошая добыча. Для деревни будет подспорье.

Григорий кивнул, но не остановился.

– Есть разговор, – продолжил старейшина. – Общее правило: часть добычи – в амбар. В этот раз, думаю, треть лося и волчьи шкуры. Без обсуждений.

Семён резко выдохнул. Пахом сжал кулак. Я почувствовал, как Григорий замедлил шаг – плечи напряглись.

– Это что же выходит, – произнёс он негромко, но с нажимом, – мы рискуем жизнями, тащим через лес, а ты нам – «без обсуждений»?

– Закон, – отрезал старейшина. – Времена тяжёлые. Если каждый станет брать только себе – не выживем. Деревня держится на общем деле, не на личной славе.

– На общем? – шагнул вперёд Григорий. – А лук вы когда последний раз держали? Волка встречали?

Один из дружинников подался вперёд, сжимая копьё. Второй – за ним. Я уже тянулась к луку, но Всеволод сделал шаг и встал между ними.

– Стойте, – сказал он спокойно, но с такой тяжестью, что оба замерли. – Хватит.

Он повернулся к старейшине:

– Мы не враги. Делиться – нужно. Но без злобы. Без угроз. Берите треть. Шкуры – пусть. Лося – по мере. Но по правде. Не как приговор.

Старейшина молчал. Его взгляд скользнул по лицам – по мне, по Григорию, по Всеволоду. Потом он кивнул. Один раз. Коротко.

– Пусть будет так. На этот раз.

Он развернулся и ушёл. Дружинники, молча отводя копьё, последовали за ним. Один из них – молодой, с угрюмым взглядом – задержался на секунду, будто хотел что-то сказать, но лишь сплюнул в пыль и пошёл прочь.

Никто не заговорил. Даже Григорий молчал, сжав губы в

тонкую линию. Семён и Пахом переглянулись, пожали плечами и принялись за делёжку туши.

Я стояла, глядя на Всеволода. Его лицо – спокойное. Даже слишком. Будто всё, что только что произошло, – обычный день. А может, для него так и было. Я не знала. Но знала другое: он не кричал, не толкал речей. Он просто встал рядом. И это было... странно. Неожиданно. Сильно.

И впервые я подумала: а что, если не обязательно быть остриём каждый раз, когда что-то идёт не так? А если иногда можно просто стоять. Или опустить плечи. Или позволить кому-то быть рядом.

Мы медленно двинулись в сторону деревни, неся добычу. Всеволод шёл рядом. Молча, но не отстранённо. Я чувствовала, как напряжение понемногу спадает с плеч, как тело начинает отзываться на усталость – глубоко, до ломоты в ключицах.

Но мысли не отпускали.

Когда мы свернули с главной улицы и я немного отстала, мне вдруг захотелось остановиться. Ветер тянулся сквозь просеки, шевелил подол охотничьей куртки, и в этом движении было что-то лёгкое – как первый вдох после долгой, гулкой тишины.

Я снова подумала о Всеволоде.

Он был не такой, как другие. Не пытался подчинить. Не смеялся. Не злился. Он стоял, когда другие бросались. Говорил, когда другие кричали. И в его голосе было что-то, от

чего внутри становилось тише. Он не был трусом, но и не был тем, кто лезет в драку ради звука. Он выбирал... другое. И то, как он посмотрел на меня, когда копыта опустились, – в этом не было ни сожаления, ни жалости. Было тепло. Настоящее. Словно я – не просто часть отряда. Не просто охотница. А кто-то. Кому есть место. Кого видят.

Я не привыкла к такому взгляду.

С тех пор как умер отец, исчезла бабушка, а мать замкнулась, я жила внутри щита. Всё – через силу. Всё – сдержанно. Даже боль. Даже гнев.

Но этот человек, пришлый, с голосом как сталь и руками, пахнувшими углём, – он что-то во мне сдвинул.

Я коснулась края колчана – шершавая кожа, тёплая от тела. Я охотница. Я сильная. Я умею быть одна.

Я вошла в избу неслышно. Мать сидела у окна – с прялкой, но не прядла. Просто держала нить в пальцах, будто она могла связать всё, что давно развалилось. На секунду показалось, что она меня не заметила. Но её взгляд чуть дрогнул, не отрываясь от тусклого стекла.

– Ты вернулась, – сказала она. Не вопрос. Не упрёк. Просто факт.

Я молча кивнула и поставила у стены свёрток с добычей. Запах лося – тёплый, железистый – смешался с ароматом старых досок и пряных трав под потолком.

Она обернулась. Долго смотрела. В её взгляде не было ни

мягкости, ни тревоги. Но что-то изменилось. Будто искала меня – ту, прежнюю. И не находила.

– Вся в дыму, как из печи, – заметила она. – И запах крови от тебя... лосиный. Ты стрелу пустила?

Я снова кивнула. Молча. А потом вдруг села прямо на лавку, не снимая ни колчана, ни куртки. Просто опустилась. В первый раз с тех пор, как мы вышли в лес, позволила себе не держать спину прямо. Вся тяжесть дня – лес, волки, взгляд Всеволода – обрушилась разом.

– Значит, настоящая теперь, – произнесла мать тихо. И добавила, почти шёпотом: – Только в глазах у тебя чужой огонь. Не тот, что был.

Я не ответила. Я и сама его чувствовала. Неугасимый, упрямый, как искра в сухой бересте. Но был ли он моим? Или остался от волка?

Мать вздохнула. Оторвалась от окна и подошла ближе. Не касаясь, но рядом. Ближе, чем обычно.

– Осторожнее будь с этим огнём, дочка. От него легко сгореть. Особенно если рядом тот, кто раздует.

Я не сразу поняла, о чём она. Или не захотела понять.

Молчание повисло между нами. Неловкое. Я вдруг захотела что-то рассказать – про охоту, про то, как целилась, про жар в груди, когда всё получилось. Но слова застряли. Глупо. Я, охотница, и не знаю, как подойти к матери.

– Он... помог, – сказала я вдруг. Тихо. – Один человек. В лесу.

Мать взглянула внимательно. Но не спросила. Только кивнула. Будто знала: спешить не стоит.

– Всё нормально, – добавила я.

Она перевела взгляд на свёрток у стены.

– Его надо переработать, пока мясо не испортилось, – сказала спокойно. – Лось – не заяц. Тут возни на весь вечер.

Я кивнула, благодарная за смену темы. Встала, закатала рукава. Мать уже доставала нож, глиняные миски, солёные травы и сушёную мяту. В доме запахло дымом и чем-то настоящим.

Мы работали молча. Я обрабатывала мясо, вспоминая, как бабушка учила натирать солью и вешать под потолком – там, где воздух сухой. Мать двигалась точно и быстро – видно, рука набита. Даже в этом была забота: строгая, несловесная.

– Ты уже не та, – вдруг сказала она, не глядя. – Но и прежней быть не можешь. Может, это и хорошо.

Я замерла на мгновение. Потом продолжила дело.

– А помощник тот... хороший? – спросила она небрежно. Будто про погоду.

Я пожала плечами.

– Не знаю ещё.

Мать хмыкнула.

– Узнаешь. Время всё расставит по местам.

Я не ответила. Но впервые за долгое время мне не хотелось уходить в себя. Этот вечер был другим. И, может быть,

в этом действительно была правда. Или то, что я хотела бы
ею назвать.

Глава 10

Новый день встретил меня болью в мышцах – но и приятным ощущением новой себя. Той, что может быть охотницей, может преследовать и добывать. Я медленно потянулась на скамье, готовая к новым открытиям.

В это утро я не успела даже умыться, как в избу вихрем ворвался Ваня.

– Дарина! – заорал он с порога. – Ты спала? Правда? А я думал, ты уже в лесу кого-нибудь выслеживаешь! – Он, не дожидаясь ответа, подскочил ко мне, глаза сияют, волосы торчат во все стороны. – Ты знала?! Дядя приехал! Настоящий! Наш, лучший!

– Знала, – сказала я, сдерживая улыбку. – Он вчера меня... спас. В лесу.

Ваня застыл.

– Спа-а-ас? – протянул он, вытягивая слово, как струну. – Так это ты была? Папа сказал, что кто-то из охотников попал под волков, но я не думал, что это ты! Ого!

Он замахал руками и, не дожидаясь подробностей, заговорил снова:

– А знаешь, дядя Всеволод – он кузнец! Не просто, а настоящий! У него такие руки – может подкову согнуть! А ещё он шутит! Вот так! – он выпятил грудь, сжал кулаки, нахму-

рился, – и говорит: «Эй, Ваня, хватит у очага греться, иди помогай!»

Я рассмеялась – не удержалась. Этот мальчишка всегда умел вытянуть из меня улыбку, даже если душа каменела.

– Так зачем ты пришёл? – спросила я, когда он на миг умолк.

– А? А! Я... – он почесал макушку. – Подожди... Да! – подпрыгнул. – Ты же теперь охотница! Расскажи! Правда убила лося? Ты не испугалась? А волк? Он был страшный? У него зубы были... ну такие?! – Он развёл руки, словно описывал медведя.

Я вздохнула. С ним невозможно быть серьёзной. Но тепло внутри расползлось.

– Не такой уж и страшный, если прицелиться хорошо.

– Вооот! – восторженно закивал он. – Я же знал! Ты самая-самая! Я ещё вчера папе сказал: «Дарина лучше всех охотников!» Он мне ухо чуть не оттянул, но я не отступил.

Он говорил быстро, перескакивая с темы на тему, и вдруг резко остановился:

– А дядя... он вчера вечером сидел у очага и молчал. Долго. Прямо как каменюка. Даже папа к нему не лез. А я вот думаю: может, он кого-то потерял? Или нашёл? Или ты ему понравилась!

Я поперхнулась.

– Ваня!

– Что? – пожал плечами. – Ну, ты же красивая. И смелая.

И не боишься крови. Я бы тоже в тебя влюбился, если бы был постарше.

Я уставилась на него. Он был абсолютно серьёзен.

– Прекрати, – пробормотала я, чувствуя, как щеки вспыхивают.

– Не-а! – он подпрыгнул. – А вот и нет! Тебе он нравится! Ему ты нравишься! – закричал он и принялся бегать кругами по избе. – Дарина и дядя! Дарина и дя-я-я-дя!

Я вскочила.

– Сейчас получишь!

Он увернулся, засмеялся и упал на пол, закрыв голову руками:

– Всё-всё! Сдаюсь! Но ты всё равно приходи! Вечером! Праздник будет, ужин, всё такое! Дядя сам просил! И папа тоже! Он сказал: «Зови Дарину, пусть не выдумывает!»

Я закусила губу. Хотела отказаться. Но язык не повернулся.

– Скажи, что подумаю, – буркнула я.

– Ты уже думаешь! – хихикнул Ваня. – Значит, придёшь!

Он подбежал к двери, обернулся, подмигнул – и исчез, оставив за собой вихрь слов, смеха и весны.

А я осталась стоять. И думать. О том, как легко он смеётся. И как он, может быть, прав. Иногда не надо бояться. Даже себя.

Я села, где стояла. Не на лавку – прямо на пол, у стены. Подогнула колени, обняла их. Пальцы дрожали – не от холо-

да, не от страха. От чего-то другого. Нового. Непривычного.

Словно в груди появилось второе сердце. Тихое, упрямое. Не то, что билось в ритм охоты, а то, что просыпается ночью – когда никто не видит.

«Дарина, ты должна прийти!» – слова Вани звучали в голове, как звон медных колец. Не приказ, не просьба – а будто кто-то внутри повторял: ты можешь быть не только той, кто идёт по следу, кто бьёт первой, кто держит нож.

Я встала, пошатываясь, подошла к старому зеркалу у двери. Его почти не видно за связками сушёных трав. Стекло мутное, тронутое временем, с трещиной по углу – как шрам. Я почти никогда не смотрелась в него. А сейчас – посмотрела.

Лицо. Знакомое и чужое. Скулы острые. Губы сжаты. Брови хмурые, как всегда. Волосы растрёпаны, один локон прилип к щеке. Я была... некрасивая? Нет. Не страшная. Просто... не из тех, кого гладят по волосам. И я этого не ждала. Никогда. Я не умела ждать нежности.

Я села на корточки, продолжая смотреть в тусклый овал зеркала. Кожа на пальцах – шершавая от дерева, от веревок, от крови. Ногти обломаны. Плечи – жилистые, не тонкие, как у других. Я не румянила щёк, не вышивала платков, не ходила смотреть на парней в дни хороводов. Я – не они.

И всё же... в этом отражении дрожало что-то. Что-то, что хотело быть не только сильным. Хотело быть живым.

Я открыла сундук почти не глядя. Тот самый – с дном,

обитым мягкой тканью. Там лежал мой лен. Лучший сарафан. Почти белый, с синими ветвями по подолу. Его шили руки матери. А я не надевала – ни разу. Слишком бережно. Слишком не про меня.

Я провела пальцами по вышивке. Ветви – переплетённые, как корни под землёй.

«Чтобы буря не тронула», – шептала мать, когда вручала его. А мне тогда было всё равно. Я думала, что стану волком, а не веткой.

Я прижала ткань к лицу. Запах остался – старой лаванды, золы, зимы.

И вдруг стало невыносимо: захотелось надеть. И тут же – страшно. Что подумают? Что увижу сама?

Я быстро спрятала сарафан обратно. Словно кто-то мог увидеть.

В груди что-то било крыльями. То ли птица. То ли страх. То ли – я сама.

Я стояла над сундуком, как над капищем. И никак не могла заставить себя открыть его снова. Ноги отказывались двигаться. В голове спорили две Дарины.

Одна – с луком за спиной, с кровью под ногтями, в рубаше, пропитанной дымом.

Другая... я даже не знала, как она выглядит. Может, её и не было вовсе. Может, я придумала её, чтобы забыться.

И я, не зная зачем, снова открыла сундук.

Пальцы дрожали. Лен был прохладным и мягким. Я под-

няла сарафан, развесила его на двери. Смотрела долго. Словно не на одежду – на обет. На предательство. На мечту.

– Глупо всё это, – произнесла я вслух. Голос прозвучал чужим.

Но руки уже разматывали косу. Волосы падали на плечи – тяжёлые, как вода. Я провела по ним ладонью. Как в детстве. Как делала мама. Ладонь задержалась на щеке. Тепло. Живое. Я и забыла, как это – касаться себя без цели.

Переодевалась медленно. Неуверенно. Каждая завязка будто задавала вопрос – уверена ли ты? А я не знала, что ответить. Когда ткань коснулась кожи – стало неловко. Будто надела чужую плоть. Гладкая, нежная. Беззащитная. Ни ножа на поясе. Ни ремня через грудь. Я чувствовала себя... открытой. Слишком.

Зеркало не врало. Я выглядела не как воительница. Не как охотница.

А как девушка. Простая. Но... будто что-то светилось внутри. Или это просто солнце заходило так? Я почти отпрянула от собственного взгляда. И в то же время – не смогла отвернуться.

В груди всё дрожало. Как перед прыжком в воду – когда уже не остановиться.

Если сейчас не пойду – потом не смогу, – подумала я.

Я глубоко вдохнула, перехватила волосы тёмной лентой. Простой, чтобы не казаться нарядной. Ладно. Впереди ещё день и много забот. Ещё будет время подумать.

День тянулся вязко, будто воздух густел от ожидания. Я взялась за привычные дела – перебрала стрелы, проверила лук, помогла матери растереть сушёные травы, даже убралась в сених. Сарафан, пусть и нарядный, не мешал. Только поначалу ткань ложилась непривычно. Казалась чужой. Я нарочно не переодевалась – хотела привыкнуть. Хотела понять: могу ли быть в нём собой.

Мать заметила, как я суетилась в праздничной одежде. Остановилась в дверях. Посмотрела.

– Косынку надень, если пойдёшь. Вечером сыро будет, – сказала она просто. Без осуждения. Без вопроса.

Я кивнула.

Ближе к вечеру, когда солнце коснулось верхушек деревьев, я подошла к зеркалу. Тому самому – с мутным стеклом и сетью трещин. Остановилась.

Из глубины отражения на меня смотрела незнакомая. Но всё же – я. Волосы распущены, волной спадали на плечи. Щёки румяные, как после бега. Губы – чуть приоткрыты, будто хотели что-то сказать, но не решились. Пальцы поправили ворот сарафана.

Словно в первый раз я увидела: можно быть и другой. Не только охотницей. Не только гневом и болью.

И не знала – бояться этого... или учиться принимать. Пора было сделать ещё один шаг навстречу себе. Я глубоко вдохнула – и вышла из избы.

Воздух был тёплым, пахло печёной репой и дымом. Су-

мрак поднимался от земли. Деревня была живой – и я вдруг ощутила, как этот живой организм начал замечать меня.

Я шла, не поднимая головы. Спина – прямая. Руки сжаты в кулаки.

«Это просто ужин», – повторяла я себе. Но внутри знала: для меня он будет другим.

Я шла навстречу той, кем ещё не была. Той, что только начинала просыпаться во мне – и пугала не меньше, чем ма-нила.

На крыльце показалась женщина – жена Пахома. Увидев меня, она прищурилась, не пряча удивления. Следом вышла девушка. Бросила взгляд – быстрый, колючий – и тут же от-вернулась. Щёки у неё налились краской.

– Глянь-ка... – донёсся мальчишеский шёпот. – Сначала не узнал.

Я сделала шаг. Подол сарафана зацепился за доску. Нога споткнулась. Взмахнула руками, едва удержалась, чтобы не упасть. Жар прилил к щекам. Жарче, чем у костра.

Дверь распахнулась.

– Дарина! – Григорий стоял на пороге. Голос, как всегда, громкий, но взгляд – мягче. – Ну, заходи, чего как не своя?

Я вошла.

Внутри – жар, гомон, запахи еды. Столы полные. Люди. Смех. Весёлый Ваня. Я шагнула вперёд – и разговоры стих-

ли. Все обернулись. Ваня поднял глаза и тут же вскочил:

– Дарина пришла! – закричал он.

Всеволод сидел у очага. Повернулся. Увидел меня – и замер. На миг. Но этого было достаточно.

Я смотрела, как он встаёт. Подходит.

– Ты пришла, – сказал он. Без улыбки. Но взгляд – тёплый. Слишком тёплый.

– Пришла, – прошептала я.

– Правильно, – произнёс он. – Здесь тебе место.

Внутри всё сжалось. И стало светлее. Но ноги всё равно дрожали. Не от страха – от непривычности. Я чувствовала, как каждый взгляд обжигает. Кто-то смотрел с удивлением, кто-то – сдержанно, кто-то слишком уж долго. Девушки у окна шептались, одна – скривила губы. Старуха у печи смерила меня долгим взглядом и вернулась к своей миске. Подросток, сын ремесленника, хмыкнул и подмигнул – неловко, но с намерением. Я отвернулась.

Сарафан казался чужим. Руки не знали покоя. Я привыкла сжимать лук, а не обнимать чашку с травами. Места за столом мало, а на душе – теснота ещё больше. Я села рядом с Ваней. Он засиял:

– Ты видела, как я поймал пирог? Сам! А ещё дядя сказал, что я могу помочь в кузнице. Представляешь? Серьёзно!

Я кивнула, благодарная ему за эту бурю. Он тянул меня обратно в жизнь, в свет. Я попыталась улыбнуться.

– А ты чего такая серьёзная? – Ваня прищурился. – Ты же

пришла. Всё хорошо!

– Хорошо, – кивнула я. Почти поверила.

– А тётка Дуня сказала, что ты изменилась. Сказала – как девушка выглядишь. Это... это хорошо, да?

– Я... не знаю, – прошептала я.

Всеволод подсел ближе. Молча. Просто рядом. Его плечо не касалось моего – но я чувствовала тепло.

– Не ешь? – спросил он.

– Хочу. Но не лезет.

Он не стал настаивать. Только подвинул мне тарелку. Я взяла ложку. Сделала вид, что ем.

Смех, разговоры, кто-то что-то рассказывал. Всё – как в тумане. Только Ваня рядом – живой, настоящий, без притворства.

Он вскочил:

– Дарина, а покажи, как ты волка подстрелила! Ну как ты его? Один выстрел, бац! И он упал? Покажи! Пожалуйста!

Он размахивал руками, изображая охоту. Глаза горели восторгом.

– Ваня... – я попыталась его остановить, но он уже был в роли.

– Вот так, да? А потом ты такая: «Не подходите!» А они все: «Ого!»

Он хохотал. И с этой лёгкостью, с этим искренним восторгом мне стало легче дышать.

– Ваня...

– Ну ладно, потом! Но ты должна! Ты теперь самая настоящая! – закричал он и, не успев замолчать, повернулся к Всеволоду. – А ты, дядя, расскажи, как ты медведя один выследил! Или как посох твой молнии пускает! Правда же, Дарина, ты не знала, что у него есть такой посох?

Я чуть не поперхнулась.

– Ваня, хватит нести чепуху, – тихо сказала я, но он уже подбегал к Всеволоду, сияя, как лампада на праздник.

– Расскажи! Ну пожалуйста! Только не молчи, как вчера! Все же хотят знать, кто ты!

Всеволод усмехнулся краем губ и бросил на меня взгляд – короткий, будто спрашивал: «Спасать тебя – или дать утунуть?»

– Не всё, что про меня рассказывают, правда, – сказал он наконец. – Особенно то, что придумывает твоя голова.

– Ага! Но ты же сильный, правда? У тебя руки как у дуба!

– Дуб – он неподвижный. А я, вроде, хожу.

Смех прокатился по столу. Кто-то хлопнул себя по колену. Всеволод откинулся на лавку, облокотившись, и я вдруг поняла: смотрю на него иначе. Не как на спасителя. Не как на брата Григория. А как на мужчину, который умеет молчать, когда остальные говорят – и оттого его слышно громче.

– А ты, Дарина, знаешь, как дядя железо гнёт? – Ваня заговорщицки зашептал. – Говорят, он один раз подкову пальцами согнул! Правда, дядя?

– Если согнул – значит, она была мягкой, – усмехнулся

Всеволод.

– Всё равно! Я вот помогу тебе, а ты мне меч выкроешь!
Маленький, но острый!

– Настоящее оружие требует не только металла, – серьёзно ответил Всеволод. А ты пока – оттачивай терпение. И снова я ощутила это странное: он говорил с Ваней – но и со мной. Будто каждое слово бросал в воздух, а оно цеплялось за меня.

Смех, еда, разговоры – всё слилось в один тёплый, шумный поток. За столом вспоминали, как весной паводок унёс мост, как Семён однажды заблудился в собственном огороде, как кузнец порвал штаны, чиня ворота. Смех укрывал тревоги, как одеяло – мягко, не отпуская.

Я поднялась.

– Мне пора.

Григорий приподнял брови:

– Уж так скоро?

Я кивнула. Всеволод встал.

– Я провожу.

– До избы две минуты, – буркнула я.

– Вот и хорошо. Не успеешь устать.

Я посмотрела на него. И впервые – не оттолкнула заботу.

Просто кивнула:

– Пошли.

Мы вышли в сумерки. Воздух был влажным, пах молодыми листьями и вечерним дымом. Тропинка блестела в лун-

ном свете, шаги наши были едва слышны.

– Тебе было неудобно, – сказал он после паузы.

Я удивлённо посмотрела на него.

– Откуда ты...

– Я знаю это чувство. Когда на тебя смотрят – не так, как ты сам себя видишь. А как будто ждут, чтобы ты стал кем-то другим.

Я кивнула. Не сразу. Но кивнула.

– Но ты не растерялась, – продолжил он. – Это редкость. Много силы уходит, чтобы не отвернуться. А ты не отвернулась.

– Я хотела.

– Но осталась. И это – важнее.

Мы шли ещё немного молча. Моя изба уже виднелась впереди, но я не спешила. Он – тоже.

– Дарина... – тихо сказал он. – Я знаю, ты привыкла быть одна. Но если когда-нибудь захочешь, чтобы кто-то шёл рядом... просто скажи.

Я не знала, что ответить.

Мы остановилась у порога.

– Спасибо, – сказала я. – За то, что не спрашиваешь слишком многого.

– Только то, что важно.

Он не тронул руки. Не склонился в прощании. Только задержал взгляд – прямой, как стрела. И развернулся. Я долго стояла, глядя ему вслед. А потом вошла в дом, не зажигая

лучины. Мне хотелось побыть в этой темноте. Не от страха.
От полноты.

Я знала: с этого вечера всё изменится. Но впервые – я не боялась перемен.

Глава 11

С того вечера, когда Всеволод проводил меня домой, что-то сдвинулось.

Не вокруг – внутри.

Он стал появляться чаще. Сначала – будто случайно: раз – у колодца, с вёдрами, «проходил мимо». Потом – возле мастерской плотника, где помогал чинить телегу. А на третий день – сидел на завалинке у нашей избы, просто грелся на весеннем солнце. Но я знала: это не было случайностью.

Он не навязывался. Просто был рядом. Говорил немного – но каждое слово попадало точно. Приносил то, что действительно нужно: вязанку бересты, когда очаг начал дымить; обрубок лозы – «на завязки»; мёд в кринке – «остался после заливки». Как-то раз принёс смолёную паклю – «на случай, если крыша снова потечёт». Всё – будто невзначай, но вовремя. А однажды... принёс лук.

Я вышла на крыльцо, когда он стоял у изгороди. В руках – свёрток, обмотанный льняной тканью.

– Тебе, – сказал он, протягивая. – Сам делал. Лёгкий. Гибкий. Под руку.

Я развязала ткань. Лук лежал, как ветка – живой. Гладкий, чуть тёплый, словно уже знал мои ладони. Спинка – ду-

боявая, тетива – из сыромятной жилы, туго натянута, но послушна. На рукояти – крохотный узор, как волна: не для красоты, а чтобы не скользил.

– Я... – выдохнула я, не зная, что сказать.

– Твой старый тяжёлый. У тебя запястье уходит чуть вправо при натяжении. Я видел.

Я вскинула голову. Он заметил? Он наблюдал?

– Спасибо, – сказала я глухо. – Он... красивый.

Он не улыбнулся. Только внимательно посмотрел.

– Этот – не для красоты.

И в этом было всё. Уважение. Понимание. Не попытка украсить. Не «подарок девушке». А оружие – охотнице. Под стать.

Я провела пальцами по древку. Лук лёг в руку, как продолжение меня самой.

– Хочешь – обстреляем за изгородью? – спросил он.

Я кивнула. Уже не могла не кивнуть.

Мы вышли за изгородь – туда, где начинался склон и трава ещё держала утреннюю прохладу. Пахло сырой землёй, пеплом и молодой листвой.

Всеволод нашёл поваленную сосну, отломал ветку и воткнул её в землю – мишень.

– Попробуй, – сказал он.

Я взяла лук. Он лёг в руку надёжно. Натянула тетиву. Она пела – тонко, натянута, точно. Сделала вдох. Прицелилась. Выдох. Стрела полетела. Вонзилась чуть ниже центра. Не

идеально, но точно.

Всеволод не сказал ни слова. Только кивнул.

Я сделала второй выстрел. Потом третий. Все – в цель.

– Мягче работает, – пробормотала я. – Но держит крепко.

Не гуляет.

– Я же сказал – под руку.

Он стоял в пол оборота, глядя не на мишень – на меня.

Испытывал не лук, а то, как я с ним обращаюсь. Не комментировал. Просто наблюдал. И это волновало больше, чем любые слова.

Я выпрямилась. Откинула волосы с лица.

– А сам ты стрелять умеешь? – спросила я, чтобы заглушить молчание.

– Не моё с расстояния. Рука к металлу ближе, чем к перу.

– А к слову?

Он прищурился. В глазах промелькнуло что-то тёплое.

– К слову – если надо. Но чаще молчание точнее.

Я усмехнулась. Поставила новую стрелу. Натянула.

– Твой лук говорит много.

– Он просто говорит твоим голосом, – тихо сказал он.

Я выстрелила. В яблочко.

Мы оба замолчали.

Потом он подошёл, поднял стрелу с земли и протянул мне.

– Береги его. Он под тебя. Если сломаешь – придётся делать новый. А я не люблю переделывать то, что уже легло в руку.

– Я не сломаю, – ответила я, глядя ему в глаза.

Он кивнул. Спокойно. Уверенно. Но в его взгляде было то же напряжение, что и в тетиве – сдержанное, но живое.

– Тогда всё правильно, – сказал он. – Значит, подходит.

Я вернулась домой поздно. Лук висел на плече – не просто как оружие, а как напоминание. О подарке. О нём. О том, как он смотрел.

Мать подняла глаза, но ничего не сказала. Только кивнула на хлеб – мол, не забыла ли поесть. Я села, сделала вид, что ем, но вкус будто исчез. Пища просто исчезала в пустоте.

В голове крутилось одно: зачем он так смотрел? Не как охотник на напарника. Не как человек, выковавший добрый лук. А будто... видел во мне что-то другое.

И я не знала – радоваться этому или бояться.

Я не привыкла быть под взглядом. Я привыкла к лесу. К тени. Там, где никто не ждёт, что ты будешь улыбаться. Где важно: метко ли стреляешь, умеешь ли выжить, дышишь ли с лесом в одном ритме.

Я подошла к зеркалу. Провела пальцами по коже щеки. Тепло ещё хранилось. Щёки пылали – не от ветра, не от бега. От его взгляда.

– Глупо, – прошептала я. – Всё это... глупо.

Я опустила на край скамьи. Уткнулась лбом в ладони. Думала, что устала. Но внутри бурлило что-то другое. Что-то, от чего хотелось спрятаться.

Что-то, что не имело формы – но жгло.

Я не знала, как быть рядом с ним. Он – покой. Я – тревога. Он – озеро. Я – сухой куст в степи, готовый треснуть от любого ветра. А рядом с ним – хочется замолчать. Разрешить себе... быть. Не воевать. И это пугало. Очень.

На следующее утро мы пошли в лес. Не как охотники. Как двое. Просто шли – рядом. Не спеша, без цели, будто сам лес нас позвал.

Я шла чуть впереди. Всеволод не догонял, но и не отставал. Шёл уверенно, но шаги его были мягкие. Он не вторгался в мой ритм. Просто держал рядом – как тень, как ствол дерева, к которому можно прислониться, но который не требует этого.

Мы молчали. Но тишина не тяготила.

Тропинка петляла. Где-то пели птицы, но глуше, чем обычно – как если бы и они чувствовали: тут надо тише. Тут чужого быть не должно.

– Этот лес не любит ложь, – вдруг сказал он. Его голос прозвучал спокойно, но будто из самого воздуха, из ветра. Я обернулась. Он смотрел не на меня, а вглубь леса.

– Ты никогда не врешь, – добавил он. – Даже когда молчишь.

Я ничего не ответила. Только кивнула. И шагнула дальше.

На спуске, где корни вылезали наружу, нога соскользнула. Я пошатнулась. И тут же его рука – крепкая, горячая – схватила меня за локоть. Я дёрнулась. Резко. Отдёрнула руку. Он

отпустил.

– Осторожно, – сказал он тихо. Без упрёка.

Через шаг я сама протянула ладонь. Неуверенно. Пальцы едва касались его. Но он не сжал. Не схватил. Просто шёл рядом, принимая мою ладонь, как что-то естественное.

И мы молчали. И это было... легче, чем всё, что я знала до этого.

Первые капли упали почти неслышно. Листья лишь чуть дрогнули. Запах изменился – лес стал влажным, терпким, с примесью сырой земли и молодой коры. Дождь не просил разрешения. Он просто начался.

– Сюда, – Всеволод указал на разлапистую ель. Под ней было относительно сухо. Навес из старых веток и мха – охотничий, кем-то устроенный ещё ранней весной – всё ещё держался.

Мы спрятались. Я прижала колени к груди. Мокрые волосы прилипли к вискам. Всеволод сел рядом, чуть сбоку. Не навязчиво. Но близко.

– Мокнем, – сказал он. Не жалоба. Констатация.

Он собрал в пригоршню мох, сухую щепу из кармана, тонкие веточки. Разжёг костёр. Ловко. Тихо. Без слов. Огонь вспыхнул мягко – как дыхание.

Я протянула ладони к теплу. Он молчал. А я чувствовала – вот оно. Не разговор, не ласка, не объяснение. Просто – быть рядом, когда идёт дождь.

– Тебе не страшно? – вдруг спросил он.

Я повернулась.

– Здесь?

– Вообще.

Я замялась. Сердце ёкнуло. Потом выпрямилась. Не по привычке – по-настоящему.

– Мне было страшно быть... слабой, – выдохнула я. – Не в лесу. Среди людей.

Там, где ждут, что ты будешь мягкой, удобной. Где, если ты девочка – значит, не злись, не дерись, не ходи в лес с луком.

Он слушал. Молчал.

– Я пряталась за злость, – продолжила я. – За силу. Чтобы не тронули. Чтобы не смотрели, как на траву у дороги – растоптать и забыть. Мне было легче быть резкой. Грубой. Не красивой. Не нужной. Так я оставалась свободной.

Дождь усилился. Пахло дымом и мхом.

– Быть женщиной – не значит быть слабой, – тихо сказал Всеволод. – Ты сильнее многих, Дарина. Но это не значит, что ты не имеешь права быть другой. Не только силой. А тем, кем хочешь быть.

Я замерла. Пламя прыгало в его зрачках. Лицо – спокойное. Без жалости. Без желания "исправить".

– А если я раскроюсь... – прошептала я. – Что, если не смогу собрать себя обратно?

Он не ответил сразу. Только подбросил ветку в костёр.

– Тогда я буду рядом, – сказал. – Пока ты не соберёшься. Или не найдёшь себя заново. Может, ту, которой ты и должна быть.

Молния вспыхнула где-то далеко. Гром перекатился по небу.

Я не плакала. Но сердце дрожало.

– Я не знаю, какой хочу быть, – честно призналась я.

– Это и хорошо, – ответил он. – Значит, можно выбирать.

Мы замолчали.

И в этом молчании не было пустоты. А было что-то тёплое. Протяжное. Как дождь. Как огонь. Как шаг в сторону – туда, где нет дороги. Но есть путь.

Дождь шёл уже тише. Лес словно укрылся туманом, приглушив каждый звук. Костёр потрескивал, бросая тёплые отблески на его щёку, плечо, ладонь. Я сидела, поджав ноги, укутанная в запах дыма и сырой хвои – и впервые в тишине, которая не давит.

Всеволод молчал. Потом, не глядя на меня, как будто просто думал вслух:

– Она умерла весной. Мать.

Я вскинула взгляд. Он не искал ответа. Просто смотрел в огонь, будто там горело не только дерево – что-то другое, глубже.

– Я знал, что конец близко, – продолжил он. – Сидел у её постели, когда она уже не могла говорить. Только пальцы двигались – будто тянулась. К кому-то. К нам, наверное. А

может – к тем, кого уже нет.

Он тихо выдохнул. Как будто только сейчас позволил себе это.

– Я остался. А Григорий – нет. Он ушёл давно. В деревню, к жене, когда та ещё была жива. Хотел своего. Свободы. Может, он прав. А я... просто остался. Делал, что мог. Брал воду, поддерживал очаг, отгонял страх.

Я смотрела на его профиль. Строгий. Сдержанный. И всё же – в нём жила боль. Но не та, что жалит. Та, что учит молчать.

– Ты её хоронил? – спросила я.

Он кивнул. Глухо.

– Сам шёл с телегой. Сам копал. Никого не просил. Не потому что гордый. Просто... так было нужно. Ей. И мне.

Он помолчал. А потом, неожиданно спокойно:

– Она всегда говорила: семья – это не кровь. Это те, кто остаётся, когда всё остальное уходит.

Я сжала пальцы.

– Я... не умею быть рядом, – прошептала. – Только убежать. Или драться. Или молчать.

– Это тоже рядом, – ответил он. – Если не из страха.

Он перевёл взгляд на меня. Дождь почти стих, но капли всё ещё шептали сквозь ветви.

– Я не прошу тебя быть тёплой. Или ласковой. Или жить по-моему. Я прошу... быть. Хоть немного. Не как броня. А как ты. Та, что в лесу слушает корни.

Сердце глухо ударило. Раз. Второй.

– Это... страшнее, чем бой, – выдохнула я.

– Знаю, – сказал он.

Я смотрела на него – и чувствовала, как под ногами что-то меняется.

Как будто всё, что было до – лишь подготовка. К этой фразе. К этому костру.

К этому «рядом».

Молния сверкнула за деревьями. На мгновение мы оба стали силуэтами, вырезанными светом.

– Не сейчас, – сказала я, глядя в огонь.

– Я и не жду «сейчас», – ответил он. – Я просто... здесь.

И в этом «здесь» было больше, чем в любом обещании.

Дождь к утру утих. Лишь капли стекали по веткам, шепча прощание ночи. Мы шли медленно, молча, будто каждый шаг – возвращение. К себе. Друг к другу.

Деревня встретила запахом печей и сырой земли. Кто-то уже топил баню. Куры сустились в пыли у дворов, петух закричал невпопад, будто опоздал. Всё было как раньше – и всё уже по-другому.

– Дальше ты сама? – спросил он у калитки.

Я кивнула.

Он не стал настаивать. Только задержался на миг, всматриваясь в моё лицо, словно запоминая. И ушёл. Не обернув-

шись.

Я постояла немного. Потом толкнула дверь. Скрипнула. Запах полыни и хлеба ударил в нос. Мать сидела у очага, не глядя, разминала тесто.

– Ты где была? – не спросила. Сказала.

– В лесу.

Она не подняла глаз.

– Не одна, – добавила тихо.

Я молчала. Потом кивнула, хотя она не смотрела.

– Хорошо, что не одна, – прошептала она, почти себе. И добавила: – Только не теряй себя, дочка. Даже если кто-то рядом.

На окне капля стекала по стеклу. И вдруг я поняла: внутри – стало тише. Не потому что боль ушла. Нет. Просто я больше не была одна с этой болью. И это уже было началом.

Я встала, подошла к окну. За мутным стеклом – знакомая дорога, кривые изгороди, дымки над крышами. Люди копошились, как всегда. Жили. Ждали весну.

И вдруг мне показалось – там, за соседним домом, мелькнула фигура. Широкие плечи. Медленный шаг. Он не оглянулся. Не помахал рукой. Но я знала – это он.

Я коснулась стекла пальцами. Будто хотела дотянуться до тёплого воздуха между нами.

Мать за спиной тихо сказала:

– Он ровный. Спокойный. Как вечерняя река. Но и у такой – глубина пугающая.

Я обернулась.

– А ты не боишься воды, Дарина?

Я посмотрела на неё. И впервые за долгое время – улыбнулась. Невпопад. Нечаянно. Но – по-настоящему.

– Боюсь, – сказала я. – Но хочу войти.

Мать кивнула. Без слов. Только мука на её ладонях вдруг показалась мне белее снега. Чище.

И я поняла: страх – не повод отступать. Иногда он – просто граница. Между тем, кем ты была. И кем можешь стать.

Глава 12

Дни с Всеволодом становились частью моего быта – но не тихой привычкой, а чем-то живым. Как дыхание рядом, которого раньше не было. Я всё чаще ловила себя на мысли, что хочу идти с ним в лес, собирать вместе хворост, спуститься к речке. Он никогда не мешал. Просто был рядом. И я чувствовала – рядом с ним мне дышится легче.

Он любил смотреть, как я стреляю. Молча. Не хвалил, не поправлял – только изредка кивал, если попадала особенно метко. А я ловила этот кивок как награду.

В один из таких дней мы возвращались из леса с корзинами, полными ягод. День был жаркий, травы пахли терпко, птицы пели лениво. Всеволод молчал. С самого утра – напряжённый, будто несёт в себе что-то и не может выговорить. Я не спрашивала. Знала: захочет – скажет.

У опушки он остановился. Снял с плеча мешок, поставил на землю. Постоял, глядя в траву. Я уже собиралась пройти мимо, но он мягко задержал меня за руку. Осторожно, почти несмело.

– Подожди.

Я замерла.

Он медленно развернул свёрток. На тёмной ткани лежал кусочек бересты. На ней – вырезанный ножом узел: круглый,

плотный, из трёх линий. Одна – грубая, как тропа. Вторая – тонкая, как нить. Третья – едва заметная, но именно она стягивала всё воедино. Судьба. Дом. Мы.

Он подержал свёрток в руках. Потом протянул мне – твёрдо, отдавая что-то важное.

– Я не мастер языком чесать. Не пою, не кланяюсь. Но вот ты – стоишь передо мной, и я не хочу, чтобы уходила. Ни вечером, ни завтра, ни через год.

Он выдохнул, будто выковал это не из слов, а из железа.

– С тобой мир – не тише. Но яснее. Прямей. Будто знаю, зачем дышу.

Он взглянул на меня. Глубоко. По-настоящему.

– Если скажешь "да" – буду рядом. По-простому. До конца. Без обещаний, что не смогу выполнить. И одно навсегда: я тебя не оставлю.

Я сжала свёрток.

– А если скажу «нет»? – прошептала я.

Он посмотрел прямо. Глаза – без страха. Без ожидания.

– Тогда всё равно буду рядом. Пока не выгонишь.

Я не смеялась. Не плакала. Просто шагнула ближе. Встала перед ним и сказала:

– Не выгоню.

В этот момент солнце вышло из-за тучи, и его лицо стало мягче. Он кивнул. Один раз. Как тогда, когда я попала в цель с первого выстрела.

– Значит, завтра, – сказал он.

– Завтра, – повторила я.

И впервые это слово стало тёплым. Как дом. Как весна. Как его ладонь.

На следующее утро Всеволод пришёл не один. Вместе с ним – Григорий. Одеты не пышно, но опрятно: чистые рубахи, у Всеволода – на груди вышитый круг, знак рода. За поясом – не нож и не топор, а прутик калины, перевязанный льняной нитью. Дар весны, символ чистоты помыслов.

Я услышала, как мать открыла дверь. Тихий голос Всеволода, затем – глухой голос Григория. Потом – долгая пауза.

Я стояла у печи, будто забыла, как дышать. Пальцы тербли край полотенца. Сердце билось ровно, но тяжело – как колотушка по ободу ведра.

Мать вернулась в избу. Остановилась у порога. Посмотрела на меня.

– За тобой пришли.

Я кивнула.

Она не улыбнулась. Но в её взгляде было что-то – как в огне: тепло, скрытое под золой.

– Пойдёшь сама. Как положено.

Я вышла.

Всеволод стоял на дворе, не опуская взгляда. Григорий молчал, руки за спиной. Между ними, на пеньке, – берестяная чаша с мёдом, хлеб и, главное, лапоть, набитый пеплом. По обычаю, если девушка отказывает – она подносит именно его.

Я подошла. Не спеша.

Всеволод слегка склонил голову. Не сказал ничего лишнего.

Я взяла хлеб. Надломила. Окунула в мёд. Поднесла ко рту – и откусила.

Слева вздохнула мать. Справа коротко хмыкнул Григорий.

А я всё ещё стояла с куском хлеба в руке и смотрела на Всеволода. Он улыбнулся – впервые за всё утро.

– Значит, теперь всё как должно быть, – сказал он. – Осталось только свадьбу сыграть.

– Осталось, – кивнула я.

И вдруг небо показалось выше, а ветер – тише. Потому что слово было сказано. Потому что мы – были сказаны друг другу.

– Раз решено, тогда давай в избу, да обсудим всё, – произнесла мать.

В избе пахло мёдом и древесной золой. Мать постелила на стол простую скатерть, положила краюху хлеба, поставила чашу с настоем и немного солонины. Гости не ждали угощения – ждали слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.